

Никто
из современных
писателей
не умеет так
воздействовать
на читателя,
как Джоди Пиколт.

USA Today

18+

ОДИНОКИЙ ВОЛК

РОМАН

ДЖОДИ ПИКОЛТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ #1 ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Джоди Пиколт
ОДИНОКИЙ ВОЛК

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Пиколт Д.

Одинокий волк / Д. Пиколт — «Азбука-Аттикус», 2012

ISBN 978-5-389-22676-0

Люк Уоррен посвятил жизнь изучению волков. Он писал о них, изучал их привычки и поведение и даже два года прожил в волчьей стае. Во многих смыслах он разбирается в поведении волков лучше, чем в отношениях внутри собственной семьи. В конце концов его жена уходит от него, а восемнадцатилетний сын Эдвард после жуткой ссоры с отцом уезжает из страны. Но все меняется, когда приходит известие, что Люк тяжело пострадал в автомобильной аварии и его жизнь висит на волоске. Эдвард возвращается домой. Им с младшей сестрой Карой придется вместе решать судьбу отца и ответить на множество вопросов. Какие тайны хранили друг от друга Эдвард с сестрой? Какие скрытые мотивы побуждают их позволить отцу умереть... или попытаться сохранить ему жизнь? Чего бы хотел сам Люк? Как члены семьи могут принять такое решение перед лицом вины, или горя, или того и другого вместе? И что наиболее важно, насколько они забыли непреложное правило волчьей стаи: все ее члены нуждаются друг в друге, а выживание порой требует жертв. «Одинокий волк» – это незабываемая история о семейных тайнах, любви и расставании. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-22676-0

© Пиколт Д., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Пролог	7
Люк	7
Часть первая	10
Кара	10
Люк	13
Джорджи	14
Люк	16
Эдвард	17
Люк	23
Кара	24
Люк	31
Эдвард	33
Люк	37
Джорджи	40
Люк	47
Эдвард	48
Люк	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Джоди Пиколт

ОДИНОКИЙ ВОЛК

*Джошу, Алексу и Мэттью Пиколтам.
Ваша тетя вас любит. Очень сильно*

Jodi Picoult
LONE WOLF

Copyright © 2012 by Jodi Picoult
Originally published by Atria Books, a Division of Simon & Schuster Inc.

© И. И. Колесникова, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Пролог

Все истории рассказывают о волках. По крайней мере, те, которые стоит пересказывать. Все прочее – сентиментальная чушь... Подумай сам. Можно сбежать от волков, сражаться с волками, ловить волков, укрощать волков. Тебя могут бросить на съедение волкам, либо ты можешь бросить волкам кого-то, чтобы его съели вместо тебя. Бежать со стаей. Обращаться в волка. А лучшие всего превратиться в волка-вожаса. Других достойных историй нет.

Маргарет Этвуд. Слепой убийца

Люк

Оглядываясь назад, могу сказать, что мне не следовало выпускать на волю тигра.

С остальными было проще: благодарная пара грузных слонов; сердитая обезьяна-капуцин, плюнувшая мне под ноги, когда я вскрыл замок; белоснежные арабские скакуны, чье дыхание повисло между нами, как вопросы без ответа. Мало кто оценивает животных по достоинству, и уж меньше всех дрессировщики. Но в ту минуту, когда они увидели меня рядом с клетками, я знал, что они все поняли. И даже самая шумная братия – попугаи, которых заставляют кататься на голове у пуделей, нелепо подстриженных под кучевые облака, – при побеге махали крыльями в такт, будто у них билось единое сердце.

Мне было девять, когда в Бересфорд, штат Нью-Гэмпшир, приехал Удивительный шатер чудес Владистава, что само по себе было чудом, поскольку никто никогда не приезжал в Бересфорд, штат Нью-Гэмпшир, за исключением лыжников, которые потом терялись, и репортеров во время предварительных президентских выборов, которые забежали в универмаг Хэма за кофе или в туалет на заправке. Почти все мои знакомые ребята пытались просочиться через дыры во временной ограде, воздвигнутой работниками цирка, чтобы посмотреть выступление бесплатно. На самом деле именно так я и увидел в первый раз цирк – из укрытия под трибунами, выглядывая из-за ног честных посетителей, заплативших за билет, вместе с моим другом Луисом.

Шатер изнутри был разрисован звездами. Так похоже на городских жителей – будто они не понимали, что, если убрать палатку, можно будет смотреть на настоящее ночное небо. Что до меня, я вырос на природе. Невозможно жить в родном городе, на краю Национального парка Уайт-Маунтинс, и не проводить изрядную долю времени в походах, глядя на ночное небо. Если дать глазам привыкнуть, оно становится похожим на перевернутую чашу с блестками, словно смотришь изнутри снежного шара. Поэтому мне было жалко циркачей, которым пришлось вооружиться кистями.

Должен сказать, что поначалу я не мог оторвать взгляд от красного, расшитого блестками плаща ведущего, а еще от бесконечно длинных ног девушки-канатоходки. Когда она сделала в прыжке шаг и приземлилась на канат, обвив его ногами, Луис шумно выдохнул:

– Как же повезло веревке!

И тогда начали выпускать животных. Первыми, закатывая сердитые глаза, вышли лошади. Затем обезьяна, в глупом наряде посыльного, вскарабкалась в седло идущей впереди лошади и скалила на зрителей зубы, нарезая круги по арене. Собаки прыгали сквозь кольца, слоны танцевали, в разноцветной суматохе порхала стая птиц, будто мы оказались на другом континенте.

Потом вышел тигр.

Конечно, его появление сопровождалось ажиотажем. Обязательными предупреждениями о том, какой это опасный зверь, и призывами не повторять эти трюки дома. Дрессировщик, с одутловатым, словно булочка с корицей, веснушчатым лицом, стоял посередине манежа, когда подняли задвижку на клетке с тигром. Тигр взревел, и даже издали я учуял дыхание хищника.

Он взлетал на металлическую тумбу и бил когтями воздух. По команде он стоял на задних лапах. Поворачивался вокруг своей оси.

Я кое-что знал о тиграх. Например, если их побрить, то кожа все равно останется полосатой. И у всех тигров есть белая отметка на задней стороне ушей, из-за чего кажется, что они следят за вами, даже когда удаляются.

А еще – они дикие животные. Им не место здесь, в Бересфорде, среди криков и аплодисментов толпы.

В этот миг произошли две вещи. Во-первых, я неожиданно понял, что мне не нравится цирк. Во-вторых, тигр уставился прямо на меня, словно заранее выяснил номер моего места.

Я сразу догадался, чего он от меня хочет.

После вечернего представления выступающие пошли к озеру за начальной школой, чтобы выпить, сыграть в покер и искупаться. Получалось, что большинство трейлеров, припаркованных за шатром, опустели. Оставался охранник – огромный как гора мужчина с бритой головой и кольцом в носу, – но он храпел во всю мочь рядом с пустой бутылкой водки. Я тихо проскользнул за ограду.

Даже спустя время я не могу объяснить, почему это сделал. Что-то протянулось между тигром и мной; осознание, что я был свободен, а он нет. Тот факт, что его непредсказуемая, полная опасностей жизнь свелась к выступлениям в три часа и в семь.

Сложнее всего отпиралась клетка с обезьяной. Большинство других мне удалось открыть ножом для колки льда, который я стащил из домашнего бара деда. Я выпускал животных быстро и тихо и смотрел, как они исчезают в складках ночной темноты. Казалось, они понимали, как важно соблюдать осторожность; даже попугаи растворились вдали без единого звука.

Последним я освободил тигра. Я решил дать другим животным минут пятнадцать форы, чтобы убралась подальше, пока не спущу на них хищника. Поэтому я присел на корточки перед клеткой и принялся рисовать камешком в мягкой земле, поглядывая на наручные часы. Пока я сидел там в ожидании, мимо прошла Бородатая Дама.

Она сразу же заметила меня.

– Ну-ну, – протянула она.

Я не смог разглядеть ее рот в гущу усов. Но она не стала спрашивать, что я тут делаю, и не велела мне уйти.

– Поосторожнее тут, – предостерегла дама. – Он метит.

Наверняка она заметила исчезновение остальных животных, ведь я не пытался замаскировать открытые пустые клетки и загоны, но дама уставилась на меня долгим взглядом, а затем поднялась по ступенькам трейлера. Я задержал дыхание, ожидая, что она вызовет полицию, но неожиданно услышал радио. Скрипки. Дама подпевала густым баритоном.

Скажу вам вот что: даже сейчас я помню скрежет металлических прутьев, с которым открывалась дверь клетки. Как тигр терся об меня, подобно домашнему коту, а затем перескочил через ограду одним прыжком. Я помню вкус страха, похожий на миндальный бисквит, когда осознал, что меня непременно поймают.

Хотя... Меня так и не поймали. Бородатая Дама никому обо мне не сказала, и во всем обвинили цирковых служителей, убравших слоновий навоз. К тому же следующим утром жители города были слишком заняты восстановлением порядка и отловом сбегавших животных. Слонов нашли, когда те плескались в городском фонтане, предварительно

опрокинув мраморную статую Франклина Пирса. Обезьяна пробралась в витрину с пирогами в местном кафе и на момент поимки поглощала восхитительный шоколадный торт. Собаки развлекались в помойке за кинотеатром, а лошади разбрелись по всему городку. Одну видели галопирующей по Мейн-стрит. Другая добралась до местного луга и паслась там вместе со стадом. Третья проделала свыше десяти миль до горнолыжной трассы, где ее заметили со спасательного вертолета. Два из трех попугаев пропали без вести, а последний свил гнездо на колокольне конгрегационной церкви Шантука.

Тигра, естественно, и след простыл. Это оказалось большой проблемой, поскольку попугай-ренегат – это одно, а хищник на свободе – совсем другое. В парк Уайт-Маунтинс послали Национальную гвардию, а школы в Нью-Гэмпшире закрыли на три дня. Луис приехал ко мне на велосипеде и поделился ходившими слухами: будто тигр зарезал призывную телку мистера Волцмана, ребенка, а потом и директора нашей школы.

Мне не хотелось думать о том, что тигр вообще будет кого-то есть. Я представлял, как он спит высоко на дереве днем, а ночью гуляет, находя путь по звездам.

Через шесть дней после того, как я освободил цирковых животных, тигра нашел солдат Национальной гвардии по имени Хоппер Макфи, принявший присягу всего за неделю до событий. Огромный кот плескался в реке Аммоноосук. На его морде и лапах еще виднелась кровь оленя, которым он пообедал. Если верить Хопперу Макфи, тигр прыгнул на него с намерением убить, и солдату пришлось стрелять.

Я сильно сомневаюсь в его словах. Скорее всего, тигр был сонным после такого обеда и уж точно не голодным. Тем не менее я охотно верю, что тигр прыгнул на Хоппера Макфи. Потому что, как я уже говорил, мало кто оценивает животных по достоинству. А как только тигр увидел нацеленное на него ружье, он все понял.

Что ему придется лишиться ночного неба над головой.

Что он снова попадет в плен.

Поэтому тигр сделал свой выбор.

Часть первая

С волками жить – по-волчьи выть.

Никита Хрущев (цитируется по журналу «Обсервер», Лондон, 26 сентября 1971 года)

Кара

За секунду до того, как грузовик врезался в дерево, я вспомнила, как впервые в жизни пыталась кого-то спасти.

Мне было тринадцать, и я только что переехала к отцу. Если точнее, моя одежда снова висела в моей бывшей спальне, но я жила по-походному в трейлере на северной оконечности старой фактории Редмонда и парка динозавров. Там обитали в неволе волчья стаи моего отца, а также гиббоны, соколы, ожиревший лев и аниматронный тираннозавр, который ревом отмечал каждый час. Поскольку отец проводил там девяносто девять процентов своего времени, то ожидалось, что я буду его сопровождать.

Мне казалось, что такая жизнь лучше жизни с матерью, Джо и чудо-близнецами, но перемена места прошла далеко не так гладко, как я надеялась. Наверное, мне представлялось, как мы с отцом печем блины воскресным утром, играем в карты или прогуливаемся по лесу. Отец и правда гулял в лесу, но его прогулки проходили в вольерах, построенных для стай, и он был слишком занят тем, что изображал из себя волка. Он катался по грязи с Сибо и Собагв, рядовыми волками; держался поодаль от Пекеды, второго по главенству в стае. Сидя между волками, он обглаживал перепачканный скелет теленка, а по рукам и лицу стекала кровь. Отец считал, что, живя в стае, получит больше знания, чем наблюдающие издалека биологи. К тому времени, когда я переехала к отцу, он уже добился, что пять стай принимали его как добропорядочного члена, достойного жить, есть и охотиться вместе с ними, несмотря на то что он был человеком. Благодаря этому некоторые люди поговаривали о его гениальности. Остальные считали сумасшедшим.

Не могу сказать, что в день, когда я уехала от матери и ее новой, с иголки, семьи, отец принял меня с распростертыми объятиями. Он сидел в вольере с Местав. Волчица впервые ожидала потомство, и отец старался наладить с ней отношения, чтобы она выбрала его в няньки волчатам. Он даже спал там, с волчьей семьей, а я сидела допоздна и листала каналы на телевизоре. В трейлере было одиноко, но еще тоскливее сидеть в пустом доме.

Летом район Уайт-Маунтинс наполняли туристы,двигающиеся из деревни Санты к Поляне сказок, а затем в торговую факторию Редмонда. Зато в марте глупый тираннозавр ревел в пустом парке аттракционов. В межсезонье единственными людьми на территории оставались мой отец, приглядывающий за волками, и Уолтер – смотритель, подменявший отца, когда тот отлучался. Город выглядел вымершим, поэтому после школы я начала приходить к вольерам, достаточно близко, чтобы Бедаги, сигнальщик стаи, привыкал к моему запаху, расхаживая по ту сторону ограды. Я наблюдала, как в клетке Местав отец роет нору, где та будет рожать волчат, и рассказывала ему о капитане футбольной команды, попавшемся на списывании, или о гобоистке из школьного оркестра, которая любила носить балахоны и о которой ходили слухи, что она беременна.

В ответ отец объяснял, почему волнуется о Местав: инстинкт не всегда мог выручить молодую самку. У нее не было перед глазами примера, чтобы стать хорошей матерью; да и потомства раньше не было. Иногда волчицы бросали детенышей просто потому, что не знали, как себя с ними вести.

В ночь, когда Местав разродилась, она сделала все как по учебнику. Отец отметил событие, открыв бутылку шампанского, и разрешил мне выпить бокал. Я хотела посмотреть на детенышей, но отец сказал, что они покажутся только через несколько недель. Даже Местав целую неделю будет оставаться в логове, чтобы каждые два часа кормить волчат.

Но всего через две ночи меня разбудил отец.

– Кара, – сказал он, – мне нужна помощь.

Я натянула зимнюю куртку и сапоги и пошла за ним в вольер, к логову Местав. Только ее там не было. Она бродила вокруг, как можно дальше от волчат.

– Я по-всякому пытался заманить ее обратно, но она не хочет, – буднично сообщил отец. – Если не спасти волчат сейчас, второй возможности у нас не будет.

Он залез в логово и выполз с двумя крошечными сморщенными крысами. По крайней мере, мне так показалось, пока они извивались у него на ладонях с плотно зажмуренными глазами. Он передал волчат мне, и я спрятала их под куртку, а отец вытащил еще двух. Один детеныш выглядел хуже остальных. Он не двигался, а вместо ворчания издавал редкие, еле слышные вздохи.

Я пошла за отцом в сарай за трейлером. Пока я спала, отец выбросил оттуда на снег все инструменты; пол теперь покрывал слой сена. В небольшой картонной коробке лежал пушистый красный плед из трейлера.

– Закутай их, – велел отец, и я послушалась.

Грелка под одеялом согревала не хуже теплого брюха; трое детенышей сразу же принялись тыкаться носом в складки. Четвертый волчонок был холодным на ощупь. Я не стала опускать его в коробку к братьям и снова спрятала под куртку, прижав к сердцу.

Отец вернулся с детскими бутылочками, полными «Эсбилака» – это как детское питание, но для животных. Он потянулся за волчонком, лежавшим у меня на руках, но я не смогла его отдать.

– Я покормлю остальных, – сказал он, и, пока я уговаривала свою девочку выпить каплю за каплей, три брата высосали по полной бутылочке.

Мы кормили волчат каждые два часа. На следующее утро я не стала одеваться в школу, а отец не подавал признаков, что ожидает моего ухода. Между нами висело молчаливое понимание: то, чем мы занимаемся здесь, намного важнее изучаемого в классе.

На третий день мы дали волчатам имена. Отец считал, что местные создания должны носить аборигенные имена, поэтому называл всех волков на языке племен абенаки. Самый крупный волчонок, шумный черный комок энергии, получил имя Нода, что означало «услышь меня». Хулигана, который путался в шнурках и застревал под отворотами коробки, назвали Кина, или «посмотри». Кита, то есть «слушай», держался поодаль и внимательно наблюдал за нами, ничего не упуская.

Их младшую сестренку я назвала Миген, «перышко». Иногда она пила молоко не хуже братьев, и я начинала верить, что опасность миновала, но потом снова обмякала у меня на руках, и приходилось ее растирать и прятать под рубашку, согревая.

Круглосуточное бдение полностью меня вымотало. Бывало, что на пару минут я засыпала на ходу и рывком просыпалась. Все это время я носила Миген, пока руки не начали казаться пустыми без ее веса. На четвертую ночь я снова задремала, а когда открыла глаза, отец смотрел на меня с невиданным ранее выражением.

– Когда ты родилась, я тоже не отпускал тебя, – сказал он.

Через два часа Миген начало безостановочно трясти. Я умоляла отца поехать к ветеринару, в больницу, куда угодно, где ей помогут. Я так рыдала, что он закутал остальных волчат и отнес коробку в потрепанный грузовичок, на котором ездил. Коробка стояла между нами на переднем сиденье, а Миген дрожала у меня под курткой. Меня тоже трясло – то ли от холода, то ли от страха перед неизбежным.

Она умерла, когда мы парковались у ветеринарной клиники. Я сразу поняла, когда это случилось; она стала совсем легкой у меня в руках. Словно пустая ракушка.

Я закричала. Мысль о Миген, мертвой, так близко со мной, была невыносимой.

Отец забрал ее у меня из рук и завернул в свою фланелевую рубашку. Он положил тело на заднее сиденье, подальше от моих глаз.

– В дикой природе она бы и дня не протянула. Только благодаря тебе она прожила так долго.

Если он думал, что мне станет легче, то ошибался. Я разразилась громкими рыданиями.

В один миг коробка с волчатами переместилась на приборную панель, а я оказалась на коленях у отца. От него пахло мятой и снегом. Впервые я поняла, почему он не мог оторваться от наркотика, который представляло собой волчье сообщество. По сравнению с такими проблемами, на грани жизни и смерти, разве имело значение, кто заберет вещи из химчистки или забытый день открытых дверей в школе?

Отец рассказал, что в дикой природе волчице приходится дорого платить за науку. Но в неволе, где волчье потомство появляется раз в три или четыре года, правила меняются. Нельзя просто оставаться в стороне и позволить детенышам погибнуть.

– Природа знает, чего хочет, – сказал отец. – Но нам от этого не легче, правда?

Рядом с трейлером отца в Редмонде растет дерево – красный клен. Мы посадили его летом в год, когда умерла Миген, чтобы отметить место, где она похоронена. Такое же дерево, слишком быстро летящее в ветровое стекло, я увидела четыре года спустя. В это дерево на полном ходу врезался наш грузовик.

Рядом со мной на коленях стоит какая-то женщина.

– Она пришла в себя, – говорит женщина.

Глаза заливают дождь, я чувствую запах дыма. Отца нигде не видно.

– Папа? – пытаюсь позвать я, но слова звучат только у меня в голове.

Сердце бьется не там, где ему положено. Я смотрю на плечо, туда, где ощущаю его пульсацию.

– Похоже на перелом лопатки и, может быть, еще пары ребер. Кара? Тебя зовут Кара?

Откуда она знает мое имя?

– Ты попала в аварию, – говорит женщина. – Мы отвезем тебя в больницу.

– Где... папа... – с трудом выдавливаю я.

Каждое слово отдается вонзающимся в руку ножом.

Я поворачиваю голову, выискивая отца, и вижу пожарного – он поливает из шланга шар огня, который раньше был нашим грузовичком. Капли на лице вовсе не дождь, это оседающая морось от потока воды.

Внезапно ко мне возвращается память: паутина треснувшего стекла; зад грузовика заносит; запах бензина. Я зову отца, а он не отвечает. Меня трясет.

– Ты невероятно храбрая, – произносит женщина. – В таком состоянии сумела вытащить папу из машины...

Когда-то я смотрела интервью с девочкой-подростком, которая смогла поднять холодильник, случайно упавший на маленького двоюродного брата. Там говорили об адреналине.

Пожарный со шлангом перемещается и перестает закрывать обзор, и я вижу вторую группку парамедиков, сгрудившихся вокруг отца. Тот неподвижно лежит на земле.

– Если бы не ты, – продолжает женщина, – твоего отца могло бы не быть в живых.

Позже я буду задумываться, не ее ли похвала стала причиной всего, что я сделала потом. Но сейчас я начинаю плакать. Потому что знаю, как далеки от правды ее слова.

Люк

Меня постоянно спрашивают: как ты мог так поступить? Как ты смог уйти от цивилизации, от семьи и отправиться в канадские леса жить со стаей диких волков? Как ты смог отказаться от горячего душа, кофе, человеческого контакта, разговоров? Выбросить два года жизни своих детей?

Но вы не станете скучать по горячему душу, когда польза от мыла перекрывается тем, что стае труднее распознать ваш запах.

Вы не станете скучать по кофе, когда и без него чувства на пределе.

Как можно скучать по человеческому контакту, уютно свернувшись в тепле между двумя мохнатыми братьями. А выучив волчий язык, вы не будете тосковать о том, что не с кем поговорить.

Вы не уходите из семьи. Вы находите законное место в новой.

Так что настоящий вопрос не в том, как я смог оставить этот мир и уйти в леса.

Он в том, как я заставил себя вернуться.

Джорджи

Я привыкла ожидать телефонного звонка из больницы, и, как себе и представляла, тот раздался посреди ночи.

– Алло, – произношу я, садясь и на миг забыв, что у меня теперь новая жизнь и новый муж.

– Кто там? – спрашивает Джо, поворачиваясь ко мне.

Но звонят не насчет Люка.

– Да, я мама Кары, – подтверждаю я. – Что с ней?

– Она пострадала в автомобильной аварии, – сообщает медсестра на другом конце провода. – У нее серьезный перелом плеча. Состояние стабильное, но требуется операция...

Я соскакиваю с кровати, пытаюсь на ощупь натянуть в темноте джинсы.

– Выезжаю, – говорю я в трубку; к тому времени Джо уже включил свет и сидит на кровати. – С Карой беда. Она попала в аварию.

Джо не спрашивает, почему не позвонили Люку, ведь наша дочь сейчас под его опекой. Возможно, ему тоже звонили. С другой стороны, Люк может сейчас быть вне зоны доступа. Я натягиваю через голову свитер и запикиваю ноги в сабо. Стараюсь думать только о делах, чтобы меня не захлестнули эмоции.

– Элизабет не будет есть оладьи на завтрак. Джексону нужно не забыть принести разрешение на школьную экскурсию... – И тут я резко поднимаю голову. – Тебе же завтра с утра надо быть в суде?

– Обо мне не волнуйся, – ласково заверяет Джо. – Я позабочусь о близнецах, и о суде, и обо всем остальном. Ты должна думать о Каре.

Иногда я поверить не могу, как мне повезло, что я вышла замуж за этого мужчину. Порой думаю, что это награда, которую я заслужила за годы жизни с Люком. Но порой, как сейчас, меня накрывает уверенность, что еще придется заплатить цену за свое везение.

Людей в приемном покое отделения скорой помощи совсем мало, и, запыхавшись, я бегом бросаюсь к стойке регистрации:

– Кара Уоррен? Ее привезли на «скорой»? Она моя дочь? – Я выпаливаю все фразы с вопросительной интонацией, словно к концу каждого предложения привязали надутый гелием воздушный шарик.

Медсестра проводит меня через дверь в коридор, куда выходят закрытые занавесками палаты со стеклянными стенами. Некоторые проемы открыты. Я вижу пожилую женщину – она сидит на носилках в больничной сорочке. Мужчина с уложенной на возвышение ногой, где под отрезанной по колено штаниной джинсов видна отекающая лодыжка. Мимо нас катят кресло с беременной пациенткой, и мы пропускаем ее. Женщина полностью поглощена правильным дыханием по методу Ламаза.

Это Люк научил Кару водить машину. Несмотря на всю его беспечность, когда дело доходило до личной безопасности, он ревностно относился к жизни дочери. Вместо сорока часов вождения, которые Кара должна была отъездить перед прохождением экзамена на получение водительских прав, Люк заставил ее практиковаться пятьдесят часов. Кара водила осмотрительно и вела себя за рулем с большой осторожностью. Но почему она вообще оказалась на дороге так поздно в будний день перед школой? Может, авария произошла не по ее вине? Кто-нибудь еще пострадал?

Наконец медсестра заводит меня в отгороженный бокс. Там на кровати лежит Кара; она выглядит крошечной и очень напуганной. В темных волосах, на лице и на свитере кровь. Рука плотно примотана бинтами к телу.

– Мамочка! – всхлипывает Кара.

Я даже не помню, когда она в последний раз так меня называла.

Я обнимаю Кару, и она начинает плакать.

– Все будет хорошо, – говорю я.

Кара, с покрасневшими глазами и текущим носом, поднимает на меня взгляд:

– Где папа?

Вопрос не должен меня ранить, но мне больно.

– Уверена, что ему звонили из больницы...

Внезапно в комнату заходит врач-ординатор:

– Вы мама Кары? Необходимо ваше согласие, чтобы мы могли забрать ее на операцию.

Она говорит что-то еще – из всего потока я смутно разбираю слова «лопатка» и «капсула плечевого сустава» – и передает мне папку для подписи.

– Где папа? – Кара уже кричит.

Врач поворачивается к ней.

– Ему оказывают всю возможную помощь, – заверяет она, и внезапно я понимаю, что Кара была в машине не одна.

– Люк тоже попал в аварию? Что с ним?

– Вы его жена?

– Бывшая, – поясняю я.

– Тогда я не имею права ничего рассказывать о его состоянии.

Все правильно, так велит закон о медицинском страховании.

– Но да, – продолжает врач. – Он тоже в этой больнице. – Она смотрит на меня и говорит тихо, чтобы Кара не слышала: – Нам нужно связаться с его ближайшими родственниками. У него есть супруга? Родители? Вы можете им позвонить?

Новой жены у Люка нет. Его вырастили бабушка с дедушкой, и они умерли много лет назад. Будь его воля, он бы попросил меня позвонить в факторию и убедиться, что Уолтер на месте и сможет покормить стаю.

Но возможно, он не в состоянии передать свою волю. Может, именно это доктор не может или не хочет сказать.

Я не успеваю ответить, как входят два санитара и начинают двигать кровать Кары от стены. Мне кажется, я погружаюсь под воду. Нужно задать вопросы или сообщить какие-то факты, прежде чем дочь заберут в операционную, но я всегда теряюсь в стрессовой ситуации. Я выдавливаю улыбку и сжимаю свободную руку Кары.

– Я буду здесь, когда ты вернешься, – произношу я с наигранной беспечностью.

Несколько мгновений спустя я остаюсь в одиночестве. Помещение кажется стерильным и слишком тихим.

Я лезу в сумочку за телефоном, пытаюсь вспомнить, сколько сейчас времени в Бангкоке.

Люк

Волчья стая подобна мафии. У каждого своя роль; от каждого ожидается, что он внесет свой вклад.

Все слышали об альфе – вожаке стаи. Это главарь мафии, мозговой центр, защитник, тот, кто говорит волкам, куда идти, когда охотиться и на кого. Вожак принимает решения, capo di tutti capi¹, тот, кто за десять футов услышит, как быстро бьется сердце у добычи. Но вожак совсем не похож на строгого командира, насаждающего беспрекословную дисциплину, каким показывают его в фильмах. Он принимает решения и поэтому слишком ценен для стаи, чтобы подвергать себя опасности.

Поэтому за каждым альфой стоит бета-волк, телохранитель. Бетой становится дерзкий, массивный головорез, решающий все проблемы агрессией. Он приструнит любого, прежде чем тот доберется до босса. Им запросто можно пожертвовать. Если бета-волк погибнет, никто не заметит, потому что на его место всегда найдется другой такой же.

Затем следует волк-сигнальщик, очень осторожный и подозрительный, не верящий ничему встреченному на пути. Он постоянно ищет изменения в привычной обстановке и передвигается украдкой, держась в сторонке, чтобы успеть предупредить альфу, если вдруг что-то случится. Его робость играет важнейшую роль в безопасности стаи. А еще он занимается проверкой качества. Если ему кажется, что кто-то в стае трудится не в полную силу, сигнальщик обязательно создаст ситуацию, где этому волку придется проявить себя, например спровоцирует на драку телохранителя. И если бета не сможет взять над ним верх, он больше не заслуживает права занимать свое место.

За годы изучения волка-миротворца называли по-разному: от Золушки до омеги. И хотя сперва его считали козлом отпущения, находящимся на дне иерархии, теперь мы знаем, что миротворец играет в стае ключевую роль. Подобно щуплому, странноватому на вид законнику в банде, над которым все смеются и который знает, как утихомирить сильных личностей, миротворец без оглядки бросается во все свары внутри стаи. Если между двумя волками завязывается драка, миротворец будет прыгать между ними и дурачиться, пока разъяренные звери немного не остынут. В итоге все вернутся к своей работе и никто не пострадает. У этого волка мало сходства с Золушкой – той всегда достается самый невыгодный жребий, – а миротворец занимает в стае важное положение по поддержанию мира. Без него стая не сможет выполнять свои обязанности; в ней постоянно будут вспыхивать стычки.

Что бы ни говорили о мафии, но такая схема работает, потому что каждый выполняет определенную роль. Они делают свою работу во благо всей организации. Они добровольно умрут друг за друга.

А знаете, чем еще волчья стая похожа на мафию?

Тем, что для нее нет ничего важнее семьи.

¹ Босс боссов (ит.). – Здесь и далее примеч. перев.

Эдвард

Вы не поверите, как легко выделиться из толпы в городе, где живет девять миллионов человек. Но с другой стороны, я *фаранг*². Это заметно по моей неофициальной учительской форме – рубашка и галстук, – по светлым волосам, сияющим как маяк в море черных голов.

Сегодня у меня в классе небольшая группа учеников, отрабатывающих разговорный английский. Они разбиты по парам и готовят диалог между продавцом в магазине и покупателем.

– Есть добровольцы? – спрашиваю я.

Тишина.

Тайцы отличаются патологической застенчивостью. Прибавьте к этому нежелание потерять лицо при неправильном ответе, и вы получите мучительно долгий урок. Обычно я прошу учеников поработать над упражнениями в небольших группах, а затем хожу по классу и проверяю их успехи. Но в такие дни, как сегодня, когда я выставляю оценки в зависимости от активности на уроке, публичные выступления становятся неизбежным злом.

– Джао, – обращаюсь я к одному мужчине в классе. – Ты хозяин зоомагазина, и тебе нужно убедить Джайди купить животное. – Я поворачиваюсь ко второму мужчине. – Джайди, ты не хочешь купить это животное... А теперь давайте послушаем ваш разговор.

Оба встают, сжимая в руках тетрадки.

– Рекомендую вот эту собаку, – начинает Джао.

– У меня уже есть, – отвечает Джайди.

– Хорошо! – подбадриваю я. – Джао, назови причину, почему он должен купить твою собаку.

– Это живая собака, – добавляет Джао.

Джайди пожимает плечами:

– Не всем нужен живой питомец.

Ну что ж, не все уроки бывают одинаково успешными.

Я собираю домашние задания, и повеселевшие ученики начинают тянуться к выходу из класса, болтая на языке, который я все еще пытаюсь выучить после шести лет здесь. Апсара, счастливая бабушка четырех внуков, протягивает мне свое домашнее задание: эссе на тему убеждения. В глаза бросается название: «Для здорового питания необходимы вегетарианцы».

– Не морочь себе голову, *аджарн*³ Эдвард, – ласково говорит Апсара.

Перед языковой школой она пыталась выучить английский по сериалу «Счастливые дни». У меня не хватает духу сказать ей, что это выражение не несет должного уважения.

Уже шесть лет я преподаю английский в языковой школе в недрах самого большого торгового центра, что мне доводилось видеть, примерно в двадцати минутах езды на такси от Бангкока. Я попал на эту работу случайно – проехал «дикарем» весь Таиланд, брался за любую случайную работу, чтобы добыть бабов на еду, и в итоге в восемнадцать лет оказался за прилавком бара в Патпонге. Там проходило знаменитое шоу катоев Таиланда – трансгендеров, которым удавалось обдурить даже меня, – а я пытался скопить достаточно денег, чтобы уехать из города. Вместе со мной работал экспат из Ирландии, и он дополнительно подрабатывал, преподавая в Институте американского языка. Он сказал, что там всегда ищут квалифицированных учителей. На мое признание, что я не особо квалифицирован, он только рассмеялся: «Ты же говоришь по-английски?»

² Это слово используется тайцами для названия европейцев.

³ Учитель (*тайский*).

Теперь я получаю сорок пять тысяч батов за преподавание. У меня есть своя квартира. У меня были серьезные романы с коренными тайцами, и я хожу выпить с другими экспатами в Нана-Плазу. И я многому научился. Нельзя дотрагиваться до чужой головы, потому что это самая высокая часть тела, и буквально, и в духовном смысле. Не следует класть ногу на ногу в метро, потому что вы показываете свои подошвы человеку, сидящему напротив, а подошвы буквально и опять же в духовном смысле считаются грязными. С таким же успехом можно показывать пассажиру напротив средний палец. Здесь не пожимают руку, а приветствуют друг друга, сложив перед собой ладони, как в молитве, и приставив указательные пальцы к носу. Такой поклон называется *вай*. Чем выше держат руки и чем ниже кланяются, тем больше уважения стараются показать. С помощью *вай* можно здороваться, просить прощения и благодарить.

Нельзя не восхищаться культурой, где один и тот же жест говорит «спасибо» и «извини».

Каждый раз, когда меня начинает тошнить от здешней жизни или казаться, что уже ничего никогда не изменится, я делаю шаг назад и напоминаю себе, что я всего лишь гость. Что тайская культура и верования существуют намного дольше меня. То, что одному кажется разницей во мнениях, для другого может оказаться знаком огромного неуважения.

Порой я жалею, что не узнал раньше того, что знаю сейчас.

На остров Ко-Чанг добраться не так-то просто. Надо проехать триста пятнадцать километров на автобусе из Бангкока, и, доехав до восточной провинции Траг, придется взять *сонг-тхэу*, открытый пикап, до одного из трех причалов. Ао-Таммачат, пожалуй, самый удобный – от него паром идет до острова всего двадцать минут. А вот Лаем-Нгоп худший – рыбацким лодкам, переделанным в паромы, требуется больше часа, чтобы пересечь пролив.

Кому-то может показаться смешным уезжать на такое расстояние, когда впереди всего два дня выходных в институте, но оно того стоит. Порой в Бангкоке становится слишком душно, и мне нужно побыть в месте, не набитом битком людьми. Я списываю это желание на детство, проведенное в той части Новой Англии, где до ближайшего торгового центра два часа пути. Утро после ночевки в дешевом хостеле я провел, пытаясь добраться до Клонг-Муанга, самого высокого водопада на острове. И сейчас мне, потному, страдающему от жажды и готовому все бросить, преграждает путь огромный валун. Сжав зубы, я нахожу опору для ноги и карабкаюсь через камень. Ботинки скользят по камню, я сдираю колено и уже беспокоюсь о том, как буду спускаться с другой стороны, но не позволяю себе сдаваться.

С криканием я забираюсь на вершину валуна и съезжаю с другой стороны. После мягкого удара при приземлении я поднимаю взгляд и вижу, как невероятно красивый поток воды, пенясь и переливаясь, наполняет ущелье. Я раздеваюсь до трусов и захожу в прозрачную воду озера, ласково плещущую по груди. И ныряю под брызги. Потом, выбравшись наружу, я лежу на спине, ожидая, пока солнце высушит кожу.

С тех пор как я приехал в Таиланд, были сотни таких мгновений, когда я находил что-то настолько невероятное, чем хотелось бы поделиться. Проблема в том, что, сделав выбор в пользу одиночества, теряешь эту привилегию. А потому я поступаю так же, как и все последние шесть лет: достаю телефон и фотографирую водопад. Не стоит и говорить, что меня на этих фотографиях нет. И я понятия не имею, кому и когда смогу их показать, учитывая, что пакет молока у меня живет дольше, чем отношения. Но я все равно храню их в цифровом альбоме, начиная с первого дома духов, увиденного в Таиланде при храме Чао-Мае-Туптим, замысловатом, уставленном подношениями перед композицией из деревянных пенисов, и кончая жуткими сросшимися младенцами, плавающими в формальдегиде, в Музее криминалистики рядом с Ват-Аруном.

Я все еще держу телефон в руке, разглядывая фотографии, когда он принимается вибрировать. Я проверяю, кто звонит, ожидая, что друзья приглашают на пиво или босс из института

просит заменить другого учителя, а может, про меня вспомнил стюард, с которым мы познакомились на прошлых выходных в баре «Синий лед». Меня всегда поражало, что мобильная связь в глухомани Таиланда лучше, чем в Уайт-Маунтинсе в штате Нью-Гэмпшир.

Звонок с роумингом из другой страны.

Я подношу телефон к уху:

– Алло?

– Эдвард, тебе нужно приехать, – говорит мать.

Чтобы добраться до Штатов, арендовать машину – когда я уезжал, то был еще слишком молод для аренды – и доехать до Бересфорда в штате Нью-Гэмпшир, потребовались полные сутки. Казалось бы, я должен засыпать на ходу, но слишком нервничаю. Во-первых, я шесть лет не водил машину и это занятие потребовало от меня полной концентрации. Во-вторых, в голове постоянно вертится рассказ матери и слова нейрохирурга, делавшего экстренную операцию отцу.

Его грузовик врезался в дерево.

Их с Карой нашли рядом с машиной.

У Кары раздроблено плечо.

Отец не реагировал на стимулы, зрачок в правом глазу оставался расширен. Он с трудом дышал самостоятельно. Парамедики определили его состояние как обширную черепно-мозговую травму.

Мать позвонила мне сразу же после посадки самолета. Операцию Каре сделали; ее напичкали обезболивающим, и она спала. Приходила полиция, чтобы опросить Кару, но мать не пустила их. Она оставалась в больнице всю ночь. Ее голос звучал как надорванная струна.

Не буду врать: я иногда думал о том, как все будет, если когда-нибудь вернусь. Я представлял вечеринку в нашем доме, мать испечет мой любимый пирог – морковный с имбирем. А Кара сделает скульптуру из палочек от мороженого со словами «Самый лучший брат» и водрузит на пирог. Но конечно же, мать больше там не живет, а Кара слишком взрослая для поделок из подручных материалов.

Вероятно, вы заметили, что в мечтах о моем победном возвращении отец отсутствует.

Спустя столько времени, проведенного в большом городе, Бересфорд кажется вымершим. Безусловно, вокруг есть люди, но от такого количества свободного места голова идет кругом. Трехэтажное здание считается здесь высоткой. С каждого угла видны горы.

Я оставляю машину на уличной парковке больницы и бегом бросаюсь внутрь; на мне джинсы и толстовка, что мало подходит для зимы в Новой Англии, но подходящих теплых вещей в моем гардеробе больше нет. Волонтер, сидящая за стойкой регистрации, похожа на зефирку – полная, мягкая, припудренная. Я спрашиваю палату Кары Уоррен по двум причинам. Во-первых, там я найду мать. И во-вторых, мне нужно собраться с мыслями перед встречей с отцом.

Кара на четвертом этаже, в палате 430. Я жду, пока закроются двери лифта, – опять же когда в последний раз я ехал в лифте один? – и делаю глубокий вдох. В коридоре я проскальзываю мимо медсестер с опущенной головой и открываю дверь, где снаружи вывешена табличка с именем Кары.

На больничной кровати спит женщина.

У нее длинные темные волосы, синяк на виске и пластырь-бабочка. Ее рука коконом приоткрыта к телу. Нога высунулась из-под одеяла, и на ногтях виден ярко-красный лак.

Она уже не моя маленькая сестренка. Она уже не маленькая, и точка.

Я так занят рассматриванием Кары, что не сразу замечаю в углу мать. Она поднимается, в изумлении прикрыв рукой рот.

– Эдвард? – шепотом вырывается у нее.

Когда я уезжал, то уже был выше ее. Но теперь я еще и повзрослел. Я стал больше, сильнее. Как он.

Мать заключает меня в объятия. *Оригами сердца*. Так она называла эту позу, когда мы с Карой были маленькими, а она распахивала руки и ждала, пока мы вбежим в их круг. Слова застревают в голове занозой; я чувствую, как они задевают за живое, даже когда поступаю соответственно ожиданиям и обнимаю мать в ответ. Забавно, что, хотя я заметно массивнее матери, все равно именно она держит меня в объятиях, а не наоборот.

Я чувствую себя Гулливером среди лилипутов, переросшим собственные воспоминания. Мать вытирает глаза:

– Поверить не могу, что ты действительно здесь.

Мне не хватает духу сказать, что и ноги моей здесь не было бы, если бы сестра с отцом не оказались в больнице.

Я кивком указываю на Кару:

– Как она?

– Ей дали обезболивающее, так что – в оксиконтининовом тумане, – отвечает мать. – У нее была очень болезненная операция.

– Она сильно изменилась.

– Ты тоже.

Наверное, все мы изменились. На лице матери морщины, которых я раньше не замечал, а может, их и не было. Что до отца – сложно вообще представить, будто он может измениться.

– Наверное, мне все же надо сходить к отцу, – говорю я.

Мать берет в руки вместительную сумку-шоппер с фотографией двух детей, наполовину азиатов. Я догадываюсь, что это близнецы. Как странно понимать, что у меня есть единоутробные брат и сестра, которых я никогда не видел.

– Хорошо, – соглашается она.

Меньше всего на свете мне хотелось бы навещать его одному. Вести себя как взрослый. Но что-то заставляет меня остановить ее, положив руку на плечо.

– Тебе не обязательно идти со мной, – говорю я. – Я больше не ребенок.

– Я вижу, – отвечает мать, не отрывая от меня взгляда.

Ее голос звучит так мягко, словно слова обернуты во фланель.

Я знаю, о чем она думает: сколько всего она пропустила. Она могла бы отвезти меня в колледж. Прийти на выпускной. Слушать рассказы о первой работе, первой влюбленности. Помогать обставлять мою первую квартиру.

– Вдруг Кара проснется и позовет тебя, – добавляю я, чтобы смягчить удар.

Мать мешкает, но только на миг.

– Ты же вернешься? – спрашивает она.

Я киваю. Хотя когда-то поклялся, что никогда этого не сделаю.

Когда-то давным-давно я подумывал о карьере врача. Мне нравилась стерильность этой профессии, ее порядок. Тот факт, что, если правильно истолковать подсказки, можно найти проблему и исправить ее.

К сожалению, чтобы стать врачом, нужно изучать биологию, а я оказался в глубокой отключке в первый же раз, когда занес скальпель над эмбрионом поросенка.

По правде говоря, я не из ученого теста. В старших классах я читал запоем, что оказалось очень кстати, поскольку потом, после ухода из дома, учился по книгам. Могу поспорить, что я перечитал больше классики, чем большинство выпускников колледжа. Но я также знаю то, чему никогда не учат на лекциях: например, что лучше избегать баров на верхних этажах Пат-понг-роуд, потому что их держат местные бандиты; или выбирать массажный салон со стеклянным фасадом, чтобы прохожие видели, что происходит внутри, иначе конец сеанса окажется

не таким счастливым, как вы надеялись. Может, у меня и нет ученой степени, но образование я точно получил.

Тем не менее в комнате ожидания наедине с доктором Сент-Клэром я чувствую себя идиотом. Необразованным. Как будто я не в состоянии сложить воедино получаемую информацию.

– У вашего отца обширная черепно-мозговая травма, – говорит он. – Когда парамедики доставили его в больницу, правый зрачок был расширен, не реагировал на стимулы. У него резаная рана на лбу и парализована левая сторона. Дыхание было затруднено, поэтому парамедики его интубировали. Когда вызвали меня, я обнаружил у вашего отца билатеральный перiorбитальный отек...

– Би... что?

– Двусторонний отек, – переводит хирург, – вокруг глаз. На месте аварии ему проводили оценку по шкале комы Глазго, мы ее повторили и получили пять баллов. Потом мы провели экстренную компьютерную томографию и обнаружили гематому в височной доле, субарахноидальное и внутрижелудочковое кровоизлияние. – Доктор смотрит мне в глаза и поясняет: – В целом мы увидели много крови. Вокруг головного мозга и в мозговых желудочках, что говорит о серьезной травме. Мы начали давать ему маннитол, чтобы немного снизить мозговое давление, и экстренно прооперировали, чтобы убрать тромб в височной доле и передней части височной доли мозга.

У меня падает челюсть.

– Вы вырезали часть мозга?

– Мы убрали давление на мозг, которое иначе убило бы его, – поправляет врач. – Лоботомия височной доли затронет некоторые воспоминания, но не все. И она не повлияет на речь, двигательные функции и его личность.

Они забрали часть воспоминаний отца. Кого-то из его любимых волков? Или кого-то из нас? По кому он будет скучать больше?

– И как, получилось? Как прошла операция?

– Зрачок снова реагирует, и мы убрали тромб. Но из-за отека и гематомы началось грыжеобразование, то есть вытеснение структур из одного отдела мозга в другой, создалось давление на стволовую часть, и там образовалось небольшое кровотечение.

– Не совсем понимаю...

– Внутричерепное давление снизилось, – продолжает доктор, – но он так и не пришел в себя, ни на что не реагирует и не может дышать самостоятельно. Мы повторили компьютерную томографию и обнаружили, что кровоизлияние в продолговатый мозг и варолиев мост немного увеличилось по сравнению с первым обследованием. Поэтому он до сих пор без сознания и на искусственной вентиляции легких.

Мне чудится, что я плыву в карамельной патоке, и слова, которые стараюсь выговорить, скатываются изо рта на неизвестном языке.

– Но он поправится?

На самом деле это единственно нужный вопрос.

Хирург переплетает пальцы:

– Мы ждем, пока организм начнет приходить в норму...

Но. Я четко слышу в его словах «но».

– Эти поражения, что мы видели, затрагивают часть ствола мозга, отвечающую за дыхание и сознание. Он может навсегда остаться на искусственной вентиляции легких, – сухо говорит доктор Сент-Клэр. – Он может никогда не очнуться.

Когда мне исполнилось шестнадцать и я только-только получил водительские права, то отправился на вечеринку и задержался намного дольше, чем разрешалось. Я припарковался в конце квартала, на цыпочках прокрался по газону и тихонько приоткрыл дверь в надежде,

что удастся избежать наказания. Но стоило глазам приспособиться к темноте, и я увидел дремавшего в глубоком кресле в гостиной отца. Я знал, что обречен. Отец всегда говорил, что на природе с волками он не спит крепко, по-настоящему. Нельзя погружаться в сон глубже чем полудрема, нужно всегда держать пресловутое ухо остро, чтобы вовремя почуять опасность.

И конечно же, стоило мне пересечь порог, как он вскочил с кресла и подошел вплотную. Он не сказал ни слова, просто ждал, пока я начну оправдываться.

– Я все знаю, – сказал я. – Я под домашним арестом.

Отец сложил руки и начал:

– Пару сотен лет назад родители никогда не выпускали детей из виду. Если волчонок разбудит волка-отца в два часа ночи, он не будет рычать, чтобы волчонок оставил его в покое, и не ляжет снова спать. Он сядет, настороже, будто спрашивает: «Что ты хочешь узнать? Куда ты хочешь пойти?»

Я был еще немного пьян и в тот миг решил, что мне читают лекцию – этаким способом показать, что отец зол на меня. Сейчас я думаю, что он был зол на себя за то, что поддался своей человеческой натуре и забыл держать один глаз открытым.

– Можно его увидеть? – спрашиваю я доктора Сент-Клэра.

Меня ведут по коридору в отделение реанимации. Над кроватью склонилась медсестра с отсосом.

– Вы, должно быть, сын мистера Уоррена, – говорит она. – Вылитый отец.

Но я едва ее слышу. Я не могу оторвать взгляда от пациента на больничной кровати.

Первой мыслью мелькает: произошла ужасная ошибка. Это не мой отец.

Потому что этот сломанный мужчина, с частично обритой головой и белыми бинтами, намотанными вокруг черепа, с трубкой в горле и капельницей, воткнутой в сгиб локтя...

Мужчина со швами на виске, которые делают его похожим на чудовище Франкенштейна, и иссиня-черной маской из синяков вокруг глаз...

Он совсем не похож на человека, который разрушил мою жизнь.

Люк

Красную Шапочку нужно было выпороть.

Стараниями этой маленькой девочки и ее бабушки было распространено столько лжи о волках, что потом их травили, ставили капканы и отстреливали, пока едва не довели до исчезновения. Многие мифы о волках возникли в Средние века в Париже, когда волки утаскивали детей. Сейчас тех животных считают гибридом волков и собак. Чистокровный волк, если так подумать, боится вас больше, чем вы его. Он не нападет, если не давать повода думать, что вы угрожаете его безопасности.

Некоторые считают, что волки убивают всех на своем пути.

На самом деле они убивают только для пропитания. Даже когда волки нападают на стадо, они не режут всех животных. Вожак вполне определенно показывает, на кого из стада пойдет охота.

Некоторые считают, что волки истребляют оленей.

На самом деле на каждые десять раз, когда волки выходят на охоту, приходится всего одно убийство.

Некоторые считают, что волки пробираются на фермы и вырезают домашний скот.

На самом деле это случается так редко, что биологи даже не относят волков к группе риска от хищников.

Некоторые считают, что волки опасны для людей.

На самом деле на примере двадцати описанных случаев схватка с волками происходила по вине людей. И нет ни одного задокументированного случая, когда здоровый дикий волк убивал человека.

Как вы уже поняли, три поросенка мне тоже не очень нравятся.

Кара

Я сижу за уличным столом в фактории, завернувшись в пуховик и шерстяной плед. На улице пусто, потому что февраль и парк официально закрыт, но главный аттракцион – аниматронные динозавры, которых вы замечаете сразу, как только входите в ворота, – работает круглый год. Это такая странная компьютерная накладка – нельзя выключить тираннозавра, не лишив электричества всю площадку, что затронет дежурный персонал, который остается на зиму следить за животными и их обиталищами. Поэтому время от времени, когда мне нужно побыть одной, я прихожу в пустынную часть парка и смотрю, как трицератопс трясет пластиковой головой, отсчитывая каждый час и стряхивая выпавший вчера ночью снег. Как раптор вступает в имитацию схватки с тираннозавром, по самые ляжки в снежных наносах. Довольно жутко. Словно я наблюдаю за концом света. Вокруг так тихо, что иногда их жестяные рыки будоражат гиббонов, и те тоже поднимают гам.

Именно из-за гиббонов я не слышу, что отец зовет меня, пока он не оказывается передо мной.

– Кара! Кара!

На нем зимний комбинезон, тот, что висит на суку снаружи трейлера и никогда не стирается, потому что волки узнают отца по запаху. Я сразу понимаю, что он был в стае и делил с ними трапезу, потому что вижу остатки крови на кончиках длинных волос, обрамляющих лицо. Обычно он исполняет роль миротворца, то есть к туше его допускают после вожака и перед телохранителем. За этим так странно наблюдать. Обеденное время в стае похоже на бои гладиаторов. Все волки в готовности рассаживаются вокруг туши и едят в определенное время от определенной части животного. Под рыки, ворчание и щелканье зубами каждый волк, и мой отец в том числе, защищает свою часть добычи. Сначала он ел сырое мясо, как волки, но со временем от такой диеты начались проблемы с пищеварением, и теперь отец готовит кусочки почек и печени и носит их под комбинезоном в пластиковом пакете. Каким-то чудом он ухитряется спрятать их в разрезанное брюхо тельца и есть, как все волки, а они не замечают подлога.

Тревога на лице отца разглаживается.

– Кара, – повторяет он, – я думал, что потерял тебя.

Я пытаюсь встать, сказать, что сидела здесь все время, но не могу двинуться. Плед закрутился вокруг меня, и руки оказались примотаны к телу. И тут я понимаю, что это не плед, это повязка. И зовет меня не отец, а мать.

– Ты проснулась, – говорит она, глядя на меня сверху вниз с вымученной улыбкой.

Судя по ощущениям в плече, на него уселся слон. Я хочу что-то спросить, но слова на вкус обернуты ватой. Внезапно надо мной склоняется другое лицо, женское и мягкое, как тесто.

– Если тебе больно, – говорит оно, – нажимай.

Женщина вкладывает в мою руку маленькую кнопку. Я мигом нажимаю ее большим пальцем.

Хочу спросить, где отец, но сразу же засыпаю.

Мне снова снится сон, я в этом уверена.

Отец в комнате, но это не мой отец. Этого человека я видела только на фотографиях, трех снимках, которые мать прячет в комод для белья, под вельветовой подкладкой ящика, где лежит жемчуг ее бабушки. На всех трех снимках он обнимает мать за талию. С короткими волосами он выглядит моложе и стройнее.

Эта молодая версия отца удивленно смотрит на меня, будто мой вид поражает его не меньше.

– Не уходи, – еле слышным выдохом произношу я.

В ответ он улыбается.

Вторая причина, почему я уверена, что сплю. На этих старых снимках отец всегда выглядит счастливым. Если подумать, они с матерью оба выглядят счастливыми. Я видела их такими только на фотографиях.

Я просыпаюсь, но продолжаю притворяться спящей. Двое полицейских стоят в изножье кровати и беседуют с матерью.

– Нам необходимо поговорить с вашей дочерью, – настаивает полицейский, – чтобы составить картину аварии.

Я пытаюсь догадаться, что же им сказал отец. Во рту становится неприятно сухо.

– Вы же сами видите, что Кара сейчас не в состоянии отвечать на вопросы.

Голос матери очень сух. Взгляды трех пар глаз прожигают меня, как пламя – бумагу.

– Мэм, мы понимаем, что ее здоровье сейчас важнее всего.

– Если бы вы это понимали, вас бы здесь не было.

Иногда я смотрю передачу «Закон и порядок». Мне прекрасно известно, как благодаря микроскопическому кусочку облупившейся краски скрывающий правду преступник может получить пожизненный срок. Но я не знаю: полицейские пришли, потому что так заведено при каждой аварии? Или им что-то известно?

На лбу выступает пот, сердце бьется чаще. И я понимаю, что больше не получится притворяться спящей. Мой пульс строчкой бежит по монитору рядом с изголовьем кровати, у всех на виду. От понимания этого только хуже. Я представляю, как растут под удивленными взглядами цифры.

– Неужели вы действительно думаете, что ее отец намеренно пытался разбить машину? – спрашивает мать.

В палате повисает недолгая тишина.

– Нет, – отвечает полицейский.

Сердце колотится так быстро, что в палату вот-вот ворвется медсестра с криком: «Код синий!»

– Тогда зачем вы вообще сюда пришли? – спрашивает мать.

Я слышу, как шуршит одежда полицейского. Сквозь опущенные ресницы я вижу, что он протягивает матери визитную карточку:

– Не могли бы вы позвонить, когда она проснется?

Их шаги эхом разносятся по коридору.

Я считаю до пятидесяти. Считаю медленно, добавляя «Миссисипи» после каждой цифры. И только потом открываю глаза.

– Мам? – говорю я; голос состоит из углов и скрипов.

Мать сразу присаживается на край кровати:

– Как ты себя чувствуешь?

Плечо все еще болит, но гораздо меньше, чем раньше. Свободной рукой я дотрагиваюсь до лба и чувствую опухшую кожу и швы.

– Разбитой, – отвечаю я.

Мать тянется к моей руке. На пальце у меня зажим, сквозь кожу просвечивает красный огонек. Как у И-Ти из фильма «Инопланетянин».

– Ты попала в аварию и сломала плечо, – объясняет мать. – В четверг ночью тебе сделали операцию.

– А сегодня какой день?

– Суббота.

Получается, пятница полностью выпала из моей жизни.

Я пытаюсь сесть, но оказывается, что это невозможно с одной рукой, плотно примотанной к телу.

– Где папа?

По ее лицу пробегает тень.

– Нужно сказать сестре, что ты проснулась...

– Он жив?

К глазам подступают слезы.

– Я видела рядом с ним парамедиков, а потом они... они...

Я не могу закончить фразу, потому что внезапно и скрытность, и взгляд матери, и галлюцинация с явлением молодого отца складываются в одну картину.

– Он умер! – в ужасе шепчу я. – И ты не хочешь мне говорить.

Мать сильнее сжимает мою руку:

– Отец жив.

– Тогда я хочу его увидеть!

– Кара, ты сейчас не в том состоянии...

– Черт возьми, дай мне повидаться с ним! – кричу я.

Во всяком случае, крик привлекает внимание. В палату вбегает женщина с больничным бейджем, хотя на ней нет белой сестринской униформы:

– Кара, тебе нужно успокоиться...

Женщина – маленькая и хрупкая, как птичка, а ее черные кудряшки подпрыгивают на каждом слоге.

– Вы кто?

– Я Трина. Меня прислала к вам социальная служба. Я понимаю, что у вас есть вопросы...

– Есть. Как вам такой вопрос: я вся замотана бинтами, словно Тутанхамон, а мое лицо наверняка похоже на чудовище Франкенштейна из-за шрамов; мой отец, скорее всего, в морге, и как мне успокоиться? Ваш ответ?

Мать с Триной обмениваются взглядами, передающими секретный код. Так я понимаю, что они говорили обо мне все то время, пока я лежала в беспмятстве, напичканная лекарствами. Я уверена только в одном: если они не отведут меня к отцу, где бы он ни был, я доберусь туда сама. Доползу, если придется.

– У твоего отца тяжелая травма головного мозга, – говорит Трина.

Таким тоном обычно сообщают, что, согласно всем прогнозам, ожидается очень холодная зима или что пора поехать в мастерскую и заменить шины. Как будто тяжелая травма головы – всего лишь заусенец.

– Я не понимаю, что это значит.

– Ему сделали операцию, чтобы убрать отек в мозгу. Он не может дышать сам. И он все еще без сознания.

– Пять минут назад и я была без сознания, – заявляю я, но внутри стучит мысль: «Это все я виновата».

– Хорошо, Кара, я отведу тебя к отцу, – говорит Трина, – но ты же понимаешь, что тебя может расстроить его вид.

Почему? Потому что он на больничной койке? Потому что у него такие же швы, как у меня, и трубка в горле? Мой отец из тех людей, кто никогда не отдыхает и проводит мало времени в помещении. Потрясением будет увидеть его заснувшим в кресле.

Трина зовет медсестру и санитару, чтобы пересадить меня в кресло-каталку. Это действие сопровождается перевешиванием моей капельницы и сжиманием зубов, пока пересаживают меня. Коридор пахнет сильным дезинфицирующим средством и всегда пугавшим меня больничным пластиковым запахом.

В последний раз я была в этой больнице год назад. Мы с отцом занимались просветительской деятельностью с Зази, волком, которого иногда приводим в младшую школу, чтобы рассказать детям о сохранении вида. Отец часто проводит с детьми короткие уроки, чтобы научить их вести себя с дикими животными – не тыкать пальцами, не подходить слишком быстро, дать зверю время привыкнуть. В тот раз и дети, и Зази вели себя отлично. Пока какой-то придурок в другом конце здания не решил пошутить и не включил пожарную сигнализацию. Громкий вой напугал волка. Он попытался сбежать, а ближайшим выходом из класса оказалось окно. Отец, стараясь спасти Зази, успел обхватить его руками, потому в итоге вылетел вместо волка в окно. Когда я усаживала Зази в дорожную клетку, на нем не было ни царапины. Зато отец порезал руку стеклом так глубоко, что виднелась кость.

Не стоит и говорить, что отец отказался ехать в больницу, пока Зази не окажется в безопасности дома, в вольере. К тому времени кухонное полотенце, использованное в качестве импровизированной повязки, превратилось в кровавое месиво, и перепуганный директор школы, который отвозил нас в фабрику, настоял, чтобы отец обратился в неотложную помощь. Там, то есть здесь, ему наложили пятнадцать швов. Но едва мы вернулись из больницы домой, отец тут же направился к вольеру, где жили Нода, Кина и Кита, которых мы выкармливали в детстве, – стая, где он теперь исполнял роль миротворца.

Я стояла у забора из рабицы и наблюдала, как Нода встречает отца. Первым делом он зубами сорвал белую повязку. Затем Кина принялсялизывать рану. Я боялась, что он сорвет швы, и была абсолютно уверена, что именно на это отец и рассчитывает. Он рассказывал о времени, проведенном в глуши; как иногда во время охоты получал раны, потому что человеческая кожа защищала намного хуже, чем плотная меховая шкура его братьев и сестер по стае. Когда это происходило, животные разлизывали рану, пока она снова не откроется. Он пришел к убеждению, что их слюна имеет лечебные свойства. Несмотря на то что он спал в грязи и не имел доступа к антибиотикам, почти за два года, проведенные в лесу, у него ни разу не развилась инфекция, причем все раны заживали в два раза быстрее. Язык Кины заработал с особым нажимом, и отец поморщился, но в конце концов порез перестал кровоточить, и отец вышел из вольера. Мы начали подниматься по склону к трейлеру. «Терпеть не могу больницы», – сказал он в качестве объяснения.

Теперь, когда Трина катит меня по коридору, мать плетется позади, мы проходим мимо людей в гипсе, шаркающих ходунками или костылями. Моя палата находится в ортопедии, но отец лежит в другом отделении. Нам приходится заехать в лифт и спуститься на третий этаж.

На табличке рядом с двойными дверями, куда мы въезжаем, написано: «Отделение интенсивной терапии».

В этом коридоре пусто, тут ходят только врачи.

Трина перестает толкать кресло-каталку и присаживается передо мной на корточки:

– Ты точно готова его увидеть?

Я киваю.

Трина спиной заходит в палату, закатывая за собой мое кресло-каталку, и разворачивает меня лицом к кровати.

Отец похож на статую. Как мраморный воин в древнегреческом зале музея – сильный, яростный, с абсолютно бесстрастным лицом. Я тянусь к его руке и касаюсь ее пальцем. Он не двигается. Единственный признак, выдающий, что отец все еще жив, – тихие звуки аппаратов, к которым он подключен.

Это все моя вина.

Я закусываю губу, потому что к глазам подступают слезы, а мне не хочется плакать на виду у Трины и матери.

– Он же поправится? – шепотом спрашиваю я.

Мать кладет руку мне на плечо.

– Врачи пока не знают, – отвечает она срывающимся голосом.

По моему лицу текут слезы.

– Папа? Это я, Кара. Просыпайся. Ты должен проснуться.

Я вспоминаю об историях, которыми нас постоянно удивляют в новостях; чудесных историях, где люди, лишённые возможности ходить, встают с постели и начинают бегать на длинные дистанции. Где слепые с рождения люди внезапно прозревают.

Где отцы с черепно-мозговыми травмами открывают глаза, улыбаются и прощают непутевых дочерей.

Под звук льющейся воды открывается дверь – та, что ведет в ванную. Оттуда выходит молодая версия отца, которую я вчера видела в галлюцинации, на ходу вытирая руки о спортивные штаны. Молодой отец смотрит на мать, потом на меня.

– Кара... – произносит он. – Ух ты! Ты очнулась?

И тут я понимаю, что вчера он мне не привиделся. Мне знаком этот голос, хотя теперь он исходит из другого, взрослого тела.

– Что он здесь делает? – шепотом спрашиваю я.

– Я позвонила ему, – отвечает мать. – Кара, послушай...

Я качаю головой:

– Я ошибалась. Я больше не могу.

Трина мгновенно разворачивает кресло-каталку, и я снова смотрю на дверь.

– Все в порядке, – успокаивает она без тени осуждения. – Тяжело видеть любимого человека в таком состоянии. Ты вернешься, когда почувствуешь себя сильнее.

Я делаю вид, что согласна. Но не только вид отца, лежащего без сознания на больничной койке, увел землю из-под ног.

Виновата встреча с братом, которого я вычеркнула из жизни много лет назад.

Не могу сказать, что мы с Эдвардом когда-либо были близки. Разница в семь лет для детей – это много, к тому же у старшеклассника и его младшей сестренки, все еще пользующейся игрушечной духовкой, просто не может быть много общего. Но я боготворила старшего брата. Я подбирала книги, которые он иногда оставлял на кухонном столе, и притворялась, что понимаю слова в них; я пробиралась в его комнату, когда он уходил, лежала на его кровати и слушала iPod, хотя он убил бы меня, если бы узнал.

Начальная школа находилась довольно далеко от средней, и это означало, что Эдвард должен был отвести меня утром. Мое сопровождение входило в заключенную между братом и родителями сделку, где на кону стояла покупка за восемьсот долларов развалюхи, которую он нашел в гараже у знакомых, чтобы у него была собственная машина. В ответ мать настояла, чтобы брат, прежде чем идти в школу, доводил меня до крыльца моей, и ни шагом меньше.

Эдвард воспринял указание буквально.

Мне было одиннадцать – достаточно, чтобы самостоятельно перейти дорогу по светофору. Но он ни разу не оставил меня одну. Каждый день он парковал машину и ждал вместе со мной. Когда сигнал светофора менялся и мы ступали на переход, он брал меня за руку или за плечо и держал, пока мы переходили на другую сторону. Это настолько вошло в привычку, что я почти уверена: он даже не осознавал, что делает.

Я могла бы отстраниться или попросить, чтобы он отпустил меня, но не делала этого.

В первый день после его ухода, в первый день, когда мне пришлось идти в школу и переходить дорогу в одиночку, казалось, что улица стала в два раза шире.

Рассуждая логически, я понимаю, что Эдвард не виноват в том, что семья после его ухода распалась. Но в одиннадцать лет плевать на логику. Тебе просто ужасно хочется снова держаться за руку старшего брата.

– Мне пришлось позвонить ему, – говорит мать. – Он по-прежнему сын вашего отца. И в больнице искали родственника, чтобы мог принимать медицинские решения за Люка.

Мало того что отец в коме, так еще и единственным человеком, который, похоже, располагает информацией о его состоянии, вопреки всему оказался мой давно потерянный брат. Мысль о том, что это он сидел рядом с отцом, ожидая, пока тот откроет глаза, приводит меня в ярость.

– Почему они не спросили тебя?

– Потому что мы больше не женаты.

– Тогда почему меня никто не спросил?

Мать присаживается на край больничной койки:

– Когда тебя привезли сюда, ты была не в состоянии принимать решения. И даже если бы чувствовала себя лучше – ты несовершеннолетняя. Больнице нужен родственник старше восемнадцати лет.

– Он ушел от нас, – произношу я очевидное. – Он не заслуживает того, чтобы быть здесь.

– Кара, ты не можешь винить Эдварда во всем, – отвечает мать, устало потирая лицо.

О чем она старается не упоминать, так это о вине отца как в распаде брака, так и в отъезде Эдварда. Однако она знает, что не стоит винить отца при мне, ведь отчасти ее жалобы и послужили причиной, по которой я уехала от нее четыре года назад.

Я покинула дом матери, потому что не вписывалась в ее новую семью, но с отцом я осталась, потому что он воспитывал меня так, как никогда не удавалось матери. Это трудно объяснить. Если подумать, для меня не имело значения, как часто стирали простыни – каждую неделю или раз в несколько месяцев, случайно вспомнив. Зато отец научил меня названиям всех деревьев в лесу, и я даже не осознавала, что накапливаю эти знания. Он показал, что летняя гроза вовсе не повод прятаться под крышу, она может стать прекрасной возможностью поработать на воздухе без роя комаров и изнуряющей жары.

Однажды, когда мы были в вольере, внутрь забрался незадачливый барсук. Обычно мы позволяли волкам охотиться на мелкую живность, оказавшуюся в загоне, но на этот раз взрослый волк, погнавшись за барсуком, не убил его, а перекусил позвоночник, так что тот волочил задние лапы. Затем он попятился и уступил место двум волчатам, чтобы поучились охоте. Вот на что была похожа моя жизнь с отцом. Для него не имело значения, что Эдвард сбежал. Отец считал меня достойной того, чтобы сделать единственным членом своей стаи, учить всему, что знает сам, и зависеть от меня так же сильно, как я от него.

Я вдруг понимаю: если отец не очнется, мне придется вернуться к матери.

Внезапно дверь в палату открывается, и я вижу двоих полицейских, которые заходили вчера.

– Кара, – говорит тот, кто выше, – хорошо, что ты проснулась. Я офицер Дюмон, а это офицер Уигби. Мы хотим поговорить с тобой...

Мать встает между ними и больничной кроватью:

– Кару только что прооперировали. Ей нужно отдохнуть.

– При всем уважении, мэ, на этот раз мы не уйдем, не поговорив с вашей дочерью. –

Офицер Дюмон присаживается на стул рядом с кроватью. – Кара, ты сможешь ответить на несколько вопросов об аварии?

Я перевожу взгляд на мать, потом на полицейского:

– Наверное...

– Что ты помнишь об аварии?

Я помню каждую секунду.

– Не очень многое, – бормочу я в ответ.

– Кто был за рулем грузовика?

– Мой отец, – отвечаю я.

– Твой отец.

– Совершенно верно.

– Куда вы направлялись?

– Домой, он забрал меня от подруги.

Мать складывает руки на груди:

– Простите... Но с каких пор автомобильная авария приравнивается к уголовному преступлению?

Офицер смотрит на нее поверх блокнота:

– Мэм, мы просто пытаемся составить связную картину случившегося. – Затем он поворачивается ко мне. – Почему грузовик съехал с дороги?

– Там был олень... – отвечаю я. – Он выбежал перед нами на дорогу.

И это абсолютная правда. Я просто умалчиваю о том, что произошло до столкновения.

– Твой отец пил перед тем, как сесть за руль?

– Он никогда не пьет, – говорю я. – Волки чуют запах спиртного за версту.

– А как насчет тебя? Ты что-то пила?

Мое лицо наливается краской.

– Нет.

Офицер Уигби, до сих пор молчавший, делает шаг вперед:

– Знаешь, Кара, будет намного проще, если ты честно расскажешь нам все как было.

– Моя дочь не пьет, – сердито вмешивается мать. – Ей всего семнадцать.

– Мэм, к сожалению, эти два факта не исключают друг друга. – Уигби достает листок бумаги и протягивает ей. – Вот результаты анализа. Когда вашу дочь привезли в больницу, в крови у нее обнаружили алкоголь. И в отличие от вашей дочери, анализ не лжет. – Офицер поворачивается ко мне. – Итак, Кара, что еще ты скрываешь?

Люк

Мои приемные братья из племени абенаки верят, что их жизнь неразрывно связана с жизнью волков. Много лет назад, когда я впервые приехал в Канаду изучать, как натуралисты из индейских племен отслеживают миграцию волков вдоль Морского пути Святого Лаврентия, я узнал, что они считают волков наставниками и учатся у них охоте, воспитанию младшего поколения и защите семьи. Раньше никого не удивляло, что шаманы абенаки вселяются в тело волка и наоборот. Французы называли восточные племена абенаки, обитавшие в Мэне и Нью-Гэмпшире, Natio Luroget, то есть волчьим народом.

Абенаки также верят, что есть люди, которые живут между миром животных и миром людей и не принадлежат полностью ни к одному из них.

Джозеф Обомсавин, старейшина, у которого я жил, говорил, что к животным обращаются те, кого подвели люди.

Полагаю, это обо мне. Мои родители были настолько старше родителей моих ровесников, что мне никогда не приходило в голову приглашать школьных друзей домой. Я всегда намеренно забывал сообщать родителям о днях открытых дверей или баскетбольных матчах, потому что мне было неловко, когда другие дети в открытую глазели на седые волосы отца или морщинки на лице матери.

Поскольку в нашем детстве еще не было развитой социальной сети, я много времени проводил в одиночестве в лесу. Отец научил меня названиям всех местных деревьев, какие из них ядовитые, а какие съедобные. Он брал меня охотиться на уток ранним утром, когда луна еще стояла высоко в небе, а дыхание серебрилось в воздухе, пока мы ждали и наблюдали. Именно там я научился вести себя так тихо, что олени приходили на поляну кормиться, даже если я сидел на опушке. И именно там я начал различать оленей, узнавать тех, кто путешествовал вместе, и тех, кто возвращался на следующий год с потомством.

Не могу даже припомнить такого времени, когда я не чувствовал связи с животными – от наблюдения за лисой, играющей с лисятами, до выслеживания дикобраза и освобождения цирковых животных из плена. Но самая удивительная встреча за всю мою жизнь произошла, когда мне было двенадцать лет, а за ней последовал настолько же неприятный и запоминающийся человеческий контакт. Я гулял в лесу за нашим домом, когда увидел лосиху, лежащую в зарослях папоротника с новорожденным детенышем. Я знал эту лосиху, видел ее раз или два. Увидев их, я попытался – отец учил меня никогда не приближаться к только что родившей матери и ее детенышам, – но, к моему удивлению, лосиха встала и начала подталкивать детеныша вперед, пока тот не устроился, кожа да кости, у меня на коленях.

Я просидел с лосенком целый час, пока на поляну не вышел самый величественный лось из тех, что мне доводилось видеть. На его голове возвышались колоссальные рога, и он стоял как вкопанный, пока лосиха, а за ней и новорожденный лосенок поднимались на ноги. Затем все трое бесшумно исчезли в лесу позади меня.

Потрясенный, я побежал домой, чтобы рассказать родителям о случившемся, в полной уверенности, что мне не поверят, и обнаружил их сидящими за столом на кухне с незнакомой женщиной. Когда она обернулась, я словно увидел свое отражение в зеркале.

– Люк... – произнес отец. – Это Кира. Твоя настоящая мать.

Отец оказался моим дедом. Женщина, которую я всю жизнь называл мамой, была моей бабушкой. Моя биологическая мать, их единственная дочь, в семнадцать лет попала со своим тогдашним парнем в тюрьму за продажу героина. Через два месяца она узнала, что беременна.

Она рожала меня в местной больнице, прикованная к кровати наручниками.

Было решено, что меня воспитают бабушка с дедушкой. И чтобы мои детские годы прошли без стигмы матери-заключенной, они переехали из Миннесоты в Нью-Гэмпшир, где их

никто не знал. Они начали все сначала, а соседям сказали, что я ребенок-подарок на старости лет.

Кира отбыла тюремный срок, но решила отложить воссоединение с семьей и сначала найти работу и обустроиться. Четыре года спустя она работала администратором в отеле в Кливленде и чувствовала себя готовой собрать осколки своей жизни, оставшиеся позади. Включая меня.

Я почти ничего не помню из того дня, кроме того, что мне не хотелось с ней обниматься, а когда она заговорила о Кливленде, встал, вышел из кухни и убежал в лес. Лоси исчезли, но я научился у животных скрываться при необходимости, сливаться с окружающей обстановкой. Поэтому когда дед отправился искать меня, выкрикивая мое имя, то прошел почти вплотную к кусту, где я прятался. Я оставался там, пока не заснул.

На следующее утро я вернулся домой, совершенно окоченевший и мокрый от росы, а Кира-самозванка исчезла. Мои родители, которые за одну ночь превратились в бабушку и дедушку, сидели за столом и ели яичницу. Бабушка протянула мне тарелку с глазуньей из двух яиц и тостом. Мы не упоминали ни о визите матери, ни о том, куда она ушла. Дед сказал, что пока я останусь здесь, и на этом все.

Я задавался вопросом, а не приснилась ли мне эта встреча или встреча с лосенком, а может, и оба события.

После этого наше общение с матерью носило эпизодический характер. На каждое Рождество она присылала пару тапочек, которые всегда оказывались слишком маленького размера. Она приезжала на похороны деда и окончила колледж, а через два года умерла от рака яичников.

Если бы я встретил мать много лет спустя, когда начал жить среди волков, то относился бы к ней иначе. Я бы понял, что она поступила точно так же, как поступает любая волчица: отдала детеныша под защиту старших, чтобы они передали накопленные знания и научили подрастающее поколение всему, что нужно знать. Но тогда, сидя за кухонным столом и завтракая в неловком молчании, я знал лишь одно: еще никогда ни одно животное не солгало мне, в то время как людям я больше не мог доверять.

Эдвард

Есть разные стадии шока.

Первый шок наступает, когдаходишь в больничную палату и видишь отца, неподвижного, как труп, подключенного ко множеству аппаратов и мониторов. Когда пытаешься сопоставить эту картину с той, что крутится в голове, возникает полнейшее несоответствие: разве этот человек играл в салочки со стаей волчат? Разве это он стоял передо мной и подстрекал бросить ему вызов?

Затем приходит надежда. Каждый проблеск солнечного света на простынях, каждая заминка в ровных вздохах аппарата искусственного дыхания, каждый трюк усталых глаз заставляют вскакивать с места в полной уверенности, что ты увидел подергивание, трепет, возвращение сознания.

Вот только ничего не происходит.

Следующей стадией накрывает отрицание. Ты ожидаешь, что вот-вот проснешься в своей постели, пытаешься стряхнуть безумные кошмары, которые всегда снятся после текилы. Ведь это и правда смешно, просто цирк какой-то: нянчить беспомощного отца, которого вычеркнул из своей жизни много лет назад. С другой стороны, ты прекрасно понимаешь, что не пил вчера текилу. Что находишься не в своей постели, а в больнице.

Понимание приводит к кататонии, и ты перестаешь воспринимать окружающее, как и пациент на больничной койке. Черета врачей и медсестер, техников и социальных работников проходит через палату, но ты теряешь им счет. Все они обращаются к тебе по имени, и ты понимаешь, что происходящее стало рутиной. Ты перестаешь говорить шепотом – тебе с детства внушали, что выздоравливающим нужен покой, – потому как понимаешь: отец все равно ничего не слышит и ледяная вода, которую ему вливают в левое ухо, тут ни при чем.

Воду вливают для проверки, это лишь один анализ из бесконечной серии определения движений глаз. Как мне объяснили, изменение температуры внутреннего уха должно вызвать рефлекторные движения глаз. У людей, находящихся в сознании, анализ проводят для проверки ушного нерва, повреждение которого может вызывать проблемы с равновесием. У людей, которые находятся без сознания, его проводят для проверки функции ствола мозга.

– Ну и как? – спрашиваю я ординатора из отделения неврологии, которая выполняет анализ. – Хорошие новости или плохие?

– Доктор Сент-Клэр сможет рассказать вам больше, – говорит она, не поднимая взгляда и делая пометки в карте отца.

Она поручает медсестре вытереть насухо лицо и шею отца и уходит. Это пятнадцатая по счету медсестра с тех пор, как я здесь. Ее замысловато заплетенные косы закручены на макушке в прическу, которая заставляет меня задуматься, как она спит по ночам. Медсестру зовут Хэтти. Иногда во время ухода за отцом она напевает госпелы: «Катись низко, моя колесница» и «Я отвезу тебя туда».

– Знаешь, – говорит она, – тебе не мешало бы с ним поговорить.

– Разве он нас слышит?

Хэтти пожимает плечами:

– У врачей разное мнение. Я лично считаю, что тебе нечего терять.

Просто она не знает моего отца. Наш последний разговор закончился далеко не на позитивной ноте; вполне вероятно, что один лишь звук моего голоса вызовет вспышку гнева.

С другой стороны, сейчас меня устроит любая реакция.

Вот уже сутки я живу в этой палате, сплю в кресле, несу стражу. Болят шея и плечи. Ставшие чужими конечности подергиваются, кожа на лице обвисла, как старая резина. Все

происходящее кажется ненастоящим – и мое собственное измученное тело, и то, что я снова здесь, и то, что отец лежит в коме в четырех футах от меня. В любую минуту я могу проснуться.

Или – отец.

Я питаюсь кофе и надеждой, заключая с самим собой пари: пока я еще здесь, должен быть шанс на выздоровление. Если врачи продолжают выдумывать новые анализы, значит верят, что отец поправится. Если я продержусь, не заснув, еще пять минут и продолжу не отрываясь смотреть на него, он точно откроет глаза.

В детстве я так боялся живущего в шкафу монстра, что иногда даже начинал задыхаться или покрывался сыпью. И тогда отец велел мне просто вылезти из постели и открыть эту чертову дверь. «Жить в неведении, – сказал он, – в тысячу раз страшнее, чем встретиться лицом к лицу со своим страхом».

Конечно, тогда я был ребенком и храбро распахнул дверцу шкафа. Внутри не оказалось ничего примечательного.

– Мм... – произношу я, когда Хэтти выходит из палаты. – Пап, это я, Эдвард.

Отец не двигается.

– К тебе приходила Кара, – рассказываю я ему. – Она немного пострадала в аварии, но она поправится.

Я решаю не упоминать о том, что наша встреча довела сестру до слез или что я не смог набраться храбрости пойти к ней в палату и попытаться поговорить по душам. А ведь она, похоже, единственный человек в этой деревне, готовый указать на то, что король-то голый или, в моем случае, что роль примерного сына была, ко всеобщему прискорбию, поручена не тому актеру.

Следующим заходом я пробую юмор:

– Знаешь, не нужно было впадать в такие крайности, если ты скучал по мне. Мог бы просто пригласить меня в гости на День благодарения.

Но нам обоим это не кажется смешным.

Дверь снова открывается, и входит доктор Сент-Клэр:

– Как у него дела?

– Я хотел узнать у вас, – отвечаю я.

– Мы пока следим за его состоянием, а оно, похоже, остается без изменений.

Я убеждаю себя, что без изменений – это, наверное, хорошо.

– Вы узнали об этом, налив ему воды в ухо?

– Вообще-то, да, – отвечает доктор. – Тепловая проба с ледяной водой включает вестибулярно-глазной рефлекс. Если оба глаза двигаются к уху с водой, ствол мозга функционирует нормально, а сознание нарушено в легкой степени. Точно так же нистагм – произвольные движения глаз – в сторону, противоположную от уха, предполагает присутствие сознания. Но у вашего отца глаза не двигались вообще, а это говорит о серьезных нарушениях варолиева моста и среднего мозга.

Внезапно на меня наваливается усталость от медицинских терминов, от череды специалистов, которые приходят и делают отцу анализы, а он не реагирует.

– Вылезай из кровати и открой эту чертову дверь, – бормочу я себе под нос.

– Вы что-то сказали?

Я заставляю себя встретиться взглядом с доктором Сент-Клэром:

– Он ведь не собирается приходить в себя?

– Ну как вам сказать. Сознание складывается из двух составляющих, – начинает объяснять он, присаживаясь в кресло напротив. – Есть бодрствование, и есть восприятие. Мы с вами сейчас бодрствуем и воспринимаем мир вокруг. Когда человек находится в коме, у него отсутствует и то и другое. После нескольких дней в коме ситуация может развиваться по одному из вероятных путей. Мозг может лишиться всех своих функций – такие случаи мы называем

смертью мозга. Очень редко развивается синдром запертого человека, то есть пациент бодрствует и все понимает... но не может двигаться или разговаривать. Либо мозг может перейти в вегетативное состояние, что означает бодрствование без какого-либо осознания себя или окружения. Другими словами, пациент может открывать глаза, спать и просыпаться, но не реагировать на раздражители. За таким изменением либо следует состояние с минимальным уровнем сознания, в котором присутствует бодрствование с краткими проблесками восприятия, либо в конечном итоге возвращается полное сознание. С другой стороны, вегетативное состояние может сохраниться навсегда, и человек никогда не придет в себя.

– То есть вы хотите сказать, что отец может проснуться...

– Но вероятность того, что он придет в сознание, крайне мала.

Вегетативное состояние.

– Почему вы так думаете?

– Шансы против него. У пациентов, перенесших черепно-мозговую травму ствола мозга, как ваш отец, исход редко бывает благоприятным.

Я ожидаю, что слова доктора пронзят меня пулей, ведь он говорит о моем отце. Но прошло так много времени с тех пор, как я позволял себе какие-либо чувства к отцу, что сейчас меня охватывает оцепенение. Я слушаю доктора Сент-Клэра и признаю, что не только ожидал услышать подобное, но и принимаю новости как должное. По иронии судьбы я также понимаю, что благодаря этому лучше всех подхожу, чтобы нести бдение у постели отца.

– И что дальше? – спрашиваю я. – Будем ждать?

– Пока да. Мы продолжим проводить пробы, чтобы сразу же заметить малейшие изменения.

– Но если отец не очнется, он навсегда останется в больнице?

– Нет. Существуют специальные реабилитационные центры и дома инвалидов, где ухаживают за людьми в вегетативном состоянии. Некоторых пациентов, которые заранее выразили желание о прекращении жизнеобеспечения, переводят в хоспис, где им отключают зонды для искусственного питания. Те, кто хотел пожертвовать органы, должны соответствовать протоколу ДОС – донорства после остановки сердца.

Такое чувство, что мы говорим о незнакомом человеке. Но с другой стороны, наверное, так оно и есть. На самом деле я знаю отца примерно так же хорошо, как этот нейрохирург.

Доктор Сент-Клэр встает:

– Мы продолжим наблюдать за ним.

– А мне что сейчас делать?

Он засовывает руки в карманы белого халата:

– Попробуйте немного поспать. Вы ужасно выглядите.

Он выходит из комнаты, и я придвигаю стул к кровати отца. Если бы в восемнадцать лет мне сказали, что я когда-нибудь вернусь в Бересфорд, я бы рассмеялся этому человеку в лицо. Все, что тогда крутилось у меня в голове, – уехать отсюда как можно дальше. В подростковом возрасте я не понимал, что то, от чего стремлюсь избавиться, будет ждать меня на родине, как бы далеко я ни убежал.

Ошибки подобны воспоминаниям, которые складываются на чердаке: старые письма о любви, оставшиеся после неудачных отношений, фотографии умерших родственников, игрушки из детства, по которому вы скучаете. С глаз долой – из сердца вон, но глубоко в душе вы же знаете: они все еще там. И вы также понимаете, что стараетесь избегать их.

Будь я медсестрой Хэтти, я бы помолился за отца. Но я никогда не был религиозен. Отец молился на алтаре природы, а мать окатывала меня религией, как краской из ведра, но только она ко мне не прилипала.

Я ловлю себя на том, что вспоминаю первую неделю пребывания в Таиланде, когда впервые заметил маленькие игрушечные домики на постаментах рядом с отелями, по углам

ресторанов, перед местными барами, посреди леса и во дворе каждого дома. Некоторые были сделаны на совесть, из кирпича и дерева. Другие – сложены на скорую руку. Домики были заполнены статуями, мебелью, фигурками людей или животных. На балконах стояли курильницы, подсвечники, вазы с цветами.

Сейчас большинство тайцев – буддисты, но остатки старых верований все еще всплывают время от времени, как эти дома духов. Даже в наши дни тайцы считают, что, когда духи покидают небеса и не прячутся в пещерах, на деревьях или в водопадах, им нужно убежище. Земные духи-хранители предлагают самые разные варианты защиты: от помощи в делах до охраны дома, от присмотра за животными, лесами, водами и амбарами до защиты храмов и крепостей. За шесть лет, проведенных в Таиланде, я видел у домов духов множество подношений – от цветов, бананов и риса до сигарет и живых цыплят.

Интересный факт о домах духов: когда семья переезжает, проводят специальную церемонию по переселению духа из старого домика в новое жилище. Только после этого можно разрушать то место, которое дух называл своим домом.

Глядя на тело отца на больничной койке, я задаюсь вопросом: а не покинул ли он уже это пристанище?

Люк

Я ненавижу колледж. Слишком много зданий, слишком много бетона. Мне казалось странным изучать зоологию по учебникам, вместо того чтобы часами сидеть, затаившись, в лесу и воочию наблюдать за животными. На мою долю доставалось достаточное число девушек и вечеринок, но с равным успехом меня можно было встретить гуляющим по Президентскому хребту или живущим в палатке в Уайт-Маунтинсе. Дошло до того, что я научился различать характерные крики бородатой неясоти и богемского свиристеля, щура и синеспинного лесного певуна. Я выслеживал черных медведей, белохвостых оленей и лосей.

Получив диплом зоолога, я устроился смотрителем в единственный зоопарк в Нью-Гэмпшире, в районе Манчестера. Парк животных Уигглсворта был частным заведением, примерно половину которого составлял контактный зоопарк для детей с горсткой диких животных в придачу. Я продвигался от альпак к куницам-рыболовам, красным лисам и наконец дошел до волков. Стая из пяти особей содержалась в небольшом вольере с двойным ограждением, с густыми деревьями и остроконечным гребнем, на котором волки сидели в дневные часы. Раз в три дня смотритель приносил еду – тушу тельца, купленную на скотобойне. Входя в вольер, с собой брали лыжную палку – и так поступали не только смотрители, ухаживающие за волками, но и те, кто работал с кугуарами, черным медведем и другими крупными животными. Даже не представляю, как бы нам помогла лыжная палка, но никому и никогда не пришлось это выяснять. Волки боялись нас гораздо больше, чем мы их. Едва слышав, как открывается замок на распашных воротах, они бросались через самую густую часть заросшего деревьями участка к логову в дальнем северо-восточном углу вольера. Смотрители оставляли тушу, и только после того, как они выходили из загона, волки отваживались прикоснуться к еде.

В день, когда я впервые вошел в вольер без лыжной палки, я выполнял обычную работу сторожа – проверял ограждение. Но вместо того чтобы сделать дело и выскочить из загородки, я решил задержаться. Безоружный и испуганный, с бурлящим в венах адреналином, я присел на гребень, где, по моим наблюдениям, ежедневно устраивались на отдых волки, и принялся ждать.

Я надеялся, что, подобно оленям и лосям, с которыми сталкивался в детстве, волки со временем привыкнут к моему обществу и начнут заниматься обычными делами.

Как же я ошибался!

Пять дней я сидел в волчьем вольере, но ничего не добился, кроме полного убеждения других смотрителей, что у меня не все дома. Ко мне не приблизился ни один хищник.

Много раз меня спрашивали, почему я выбрал в жизни этот путь. Думаю, отчасти сыграло свою роль то, что животные всегда поступали со мной честно, в отличие от людей. Но другая причина заключается в том, что я очень неохотно принимаю «нет» в качестве ответа. Поэтому вместо того, чтобы сдаться и продолжать ухаживать за животными с лыжной палкой в руках, я задумался о том, что делаю не так.

И тут я понял, что, хотя у меня и нет с собой лыжной палки, расстановка сил все же остается в мою пользу. Мальчишкой я тайком выбирался посмотреть на животных на рассвете и в сумерках, но почти никогда не встречал их в полдень. Если я хочу, чтобы волки чувствовали себя спокойно в моем присутствии, нужно прийти к ним, когда преимущество будет на их стороне. Поэтому я отправился к боссу и попросил разрешения остаться в вольере на ночь.

Надо заметить, что, как только ворота парка в шесть часов вечера закрывались, все смотрители расходились по домам. На ночь оставался дежурный персонал, только на крайний случай. Босс сказал, что я могу делать все, что душе угодно, но по выражению его лица

было понятно: он задумывается о поиске нового зрителя, после того как меня разорвут звери.

Трудно описать, что я ощущал, когда заперся в вольере в первый раз. Поначалу меня накрыла чистая паника. В почти непроглядной темноте громко стучало сердце, и я не мог разглядеть торчащие корни деревьев. Я слышал, как передвигаются волки, но также прекрасно знал, что при желании они могут подкрадываться совершенно бесшумно. Спотыкаясь, я добрался до своего обычного места на гребне и сел. Незнакомые ночные звуки, издаваемые парком дикой природы, приковали меня к месту. «Ты же этого хотел», – твердил я себе.

Я попробовал закрыть глаза и уснуть, но не смог расслабиться. Поэтому я принялся считать звезды и не успел опомниться, как на горизонте уже показался желток солнца.

Мне нравилось работать с волками днем, но по большому счету моя работа сводилась к тому, чтобы не дать пришедшим в парк посетителям наделать глупостей, например следить, чтобы не бросали в вольер еду и не прислонялись к ограждению. Ночью я оставался наедине с этими великолепными животными, королями и королевами сумерек. На исходе дня их не волновала ни оплата счетов, ни будущий завтрак, ни проблемы с трещиной в бетоне искусственного пруда. Они вместе и в безопасности – это все, что имело значение.

Следующие четыре ночи, как только последний зритель зоопарка уходил домой, я запирался в вольере. И каждую ночь волки держались от меня как можно дальше. На пятую ночь, вскоре после полуночи, я встал и сошел с гребня в заднюю часть огороженной территории. Два волка сразу же подскочили к месту, где я сидел. Они понюхали землю, один помочился. Затем они отошли от гребня и провели остаток ночи, не сводя с меня желтых глаз.

На шестую ночь ко мне подошел волк, которого мы называли Арло. Принохиваясь, он медленно обошел меня и удалился.

Этот маневр он повторил в седьмую и восьмую ночь.

На девятую ночь он принохался, покружился и повернулся спиной, словно собираясь уйти, но потом резко развернулся и укусил меня за колено.

Укус не был болезненным. Арло мог беспрепятственно вцепиться мне в горло, если бы захотел. Он лишь уцупнул меня и напугал, не причиняя боли.

Настоящая сила волка не в устрашающих челюстях, которые могут сжиматься с давлением в полторы тысячи фунтов на квадратный дюйм. Настоящая сила волка в том, чтобы обладать этой мощью и знать, когда не надо ее использовать.

Я не шелохнулся. Я боялся, что, если попытаюсь встать и выйти из вольера, Арло может схватить меня и наградить чем-то пострашнее щипка. Парализованный страхом, я ждал, пока Арло не уйдет. До восхода солнца я не двигался с места.

Много позже я узнал, что, скорее всего, именно ужас и сохранил мне жизнь в ту ночь. Когда в стае появляется новый член – например, волк-одиночка хочет занять вакантное место, – его проверяют, чтобы убедиться, что он способен его занять и не будет угрожать остальным членам семьи. Как правило, проверка принимает форму укуса. Если новый волк не подставит горло, показывая свою уязвимость и прося о доверии, волчья стая постарается преподать ему урок. Если бы я вздрогнул от укуса Арло или встал и попытался выбежать из вольера, волки могли бы меня убить.

На следующую ночь Арло снова меня укусил. Через две недели мои колени, икры и лодыжки покрылись синяками и ссадинами. И вот однажды ночью он коснулся меня. Шел небольшой дождь, волк немного промок, и сперва я думал, что он хочет обсушиться, но он терся об меня мордой, головой и хвостом. Затем толкнул всем своим весом в сто двадцать фунтов, опрокинул на спину и снова укусил – еще одно предупреждение не двигаться. Арло продолжал тереться об меня, пока меня не окутал запах мокрой псины.

В этом и состояла его цель. Через пару недель он начал приводить других членов стаи на мое место на хребте. Они держались настороженно, а Арло кусал меня за колени и лодыжки. Я догадался, что таким способом Арло показывал, что я способен выполнять указания. Что мне можно доверять.

Джорджи

– Ты пила? – ошеломленно переспрашиваю я. – Почему ты пила?

Полицейские ушли. Их прогнала медсестра, после того как Кара разразилась душераздирающими рыданиями и у нее перехватывало дыхание от боли. Я даже не знаю, на кого злюсь больше: на полицейских за то, что обвиняют мою дочь в вождении в нетрезвом состоянии, или на Кару за то, что солгала мне.

– Всего один бокал...

– Размером с ведро? Анализы крови дают очень даже точные результаты, Кара.

– Я была на вечеринке с Мэрайей, – отвечает она. – Я даже не хотела туда идти, ее устраивал какой-то парень из Бетлехемской старшей школы, с которым она познакомилась на соревнованиях по легкой атлетике. И как только веселье начало выходить из-под контроля, я сразу же позвонила папе и попросила приехать за мной. Я говорю правду, клянусь!

– Почему ты ничего не сказала, ведь врачи «скорой помощи» спрашивали, принимала ты какие-нибудь наркотики или алкоголь?

– Потому что я знала, что так будет, – отвечает Кара. – Я сделала ошибку, понятно? Разве ты никогда не ошибалась?

Еще как ошибалась!

– Если ты не хотела сообщать врачам, могла хотя бы признаться мне, – говорю я. – Из-за тебя я чувствовала себя по-идиотски перед этими полицейскими.

В ответ Кара кривит губы:

– Как ты думаешь, что я чувствую? Если бы я... если бы я не пила... с отцом бы ничего не случилось. Ему не нужно было бы куда ехать.

Слова проникают через алую пелену гнева, которая застилает глаза с той секунды, как я услышала, что моя несовершеннолетняя дочь пила, находясь под присмотром Люка. Будь это в моих силах, я бы высказала, что об этом думаю. Я бы кричала, что он безответственный родитель, и угрожала изменить соглашение об опеке.

Но я не могу наорать на него сейчас.

– Кара... – я присаживаюсь на край кровати, – произошла автомобильная авария. Несчастный случай. Ты не можешь обвинять себя.

Дочь отшатывается от меня.

– Тебя там не было! – огрызается она.

Камень в мой огород. Только не знаю, она сердится за то, что я заговорила об аварии, или за то, что была со второй семьей, когда она случилась.

Мне хочется верить, что Кара не прикоснулась бы к спиртному, живи она по-прежнему под моей крышей. Что, останься она со мной, мы бы не оказались в больнице. В отличие от Люка, всегда поглощенного волками, я бы следила за тем, чем занята дочь, и ни за что не выпустила ее из дому на ночь глядя в будний день. Но историю всегда легко переписывать задним числом. Если быть честной, даже выбери Кара меня, а не отца в качестве опекуна, с равным успехом это я могла в прошлый четверг выслушивать мольбы Кары приехать и забрать ее с вечеринки.

Несколько раз получалось так, что я смотрела на свою жизнь будто со стороны и могла проследить, как добралась до этого мгновения. Первым стало утро, когда я прочла записку от Эдварда, где он сообщал, что ушел из дома. Вторым – моя свадьба с Джо, когда я чувствовала себя по-настоящему счастливой, возможно впервые в жизни. Третьим мгновением стало рождение близнецов. А четвертый происходил сейчас, и в эпицентре кошмара оказалась моя первая семья, вновь собравшаяся вместе и связанная запутанными нитями вокруг энергичной личности Люка. Будьте осторожны в своих желаниях!

– Можешь сказать папе, чтобы посадил меня под домашний арест, – говорит Кара. – Когда он очнется.

У меня не хватает духу поправить ее: «если», а не «когда».

Вот и получается, что моя дочь не единственная лгунья в этой палате.

Я познакомилась с Люком, когда мне поручили сделать репортаж для местных новостей. Я была уверена, что стану следующей Кэти Курик, даже если пока придется вкалывать на передовой Нью-Гэмпширского телевидения. Не важно, что порой ведущие делали свою работу так плохо, что просмотр видеозаписей превращался в своеобразную игру в «бутылочку» – каждый раз, когда слышала неграмотную речь, я делала глоток вина и часто опустошала целую бутылку за тридцатиминутный выпуск новостей. Моя работа состояла в том, чтобы готовить трехминутные истории о странных, грубых, выдающихся жителях штата и рассказывать их в самом конце вечернего выпуска новостей.

Я встречалась со многими чудаками: женой фермера, которая наряжала кошек в сшитые вручную костюмы и фотографировала их, воссоздавая известные картины; булочником, случайно создавшим смесь из чеддера и укропа, имевшую поразительное сходство с губернатором; миниатюрной блондинкой, преподававшей в начальных классах и заодно выигравшей конкурс лесорубов в северной стране. Однажды мою съемочную группу, то есть меня и помощника с камерой, отправили в единственный зоопарк в Нью-Гэмпшире, сонное маленькое заведение в районе Манчестера, где предлагали конные прогулки, знакомство с обитателями молочной фермы и скудную коллекцию диких животных.

Идею репортажа нам подал один зритель, который привел ребенка в зоопарк и с удивлением обнаружил толпу, собравшуюся вокруг небольшого вольера, где содержались волки. Как оказалось, местный смотритель Люк Уоррен ночует и проводит часть дня вместе с хищниками. Сначала его босс был уверен, что это попытка самоубийства, но затем понял, что волки приняли Люка в стаю, и начал всячески поощрять его обитание в вольере в рабочие часы парка. Опасный аттракцион увеличил выручку в четыре раза.

Когда мы с оператором Альфредом подошли к вольеру, нам пришлось протискиваться сквозь толпу, выстроившуюся вдоль ограждения. Внутри находились пять волков и один человек. Люк Уоррен сидел между двумя хищниками, и каждый весил более ста фунтов. При виде нас он направился к двойным воротам вольера, а люди перешептывались и указывали на нас. На ходу Люк здоровался и отвечал на вопросы о волках, а затем направился к оператору.

– Вы, должно быть, Джордж, – сказал он.

Я шагнула вперед:

– Нет. Это я, и меня зовут Джорджи.

Люк рассмеялся:

– Я представлял вас совсем по-другому.

Я могла бы сказать то же самое, поскольку ожидала, что этот парень окажется не менее чокнутым, чем остальные. У большинства героев новостей, с которыми я беседовала, эксцентричность граничила с психическими проблемами. Но Люк Уоррен, высокий и мускулистый, с русыми волосами до плеч и прозрачными голубыми глазами, на мгновение заставил меня забыть, зачем я здесь.

– Дайте мне минуту, чтобы переодеться, – попросил он, расстегивая молнию потрепанного комбинезона, из-под которого проглядывала униформа смотрителя зоопарка цвета хаки. – Волки привыкли к моему запаху, но, боюсь, эта одежда скоро сможет стоять без меня.

Он исчез в хибарке сторожа и через мгновение вернулся, умытый, с чистыми руками и аккуратно собранными в хвост волосами.

– Вы не возражаете, если мы будем снимать? – спросила я.

– Да, конечно.

Он повел нас к скамейке, откуда открывался лучший вид на вольер позади, потому что, по словам Люка, настоящими звездами передачи должны стать волки.

– Снимаю, – предупредил Альфред.

Я чинно сложила руки на коленях:

– Вы уже некоторое время ночуете в вольере...

– Четыре месяца, – кивнул Люк.

– Каждый день?

– Да. Я настолько привык, что в вольере мне спится лучше, чем в своей постели.

Мне стало интересно, что творится в голове у этого парня. Четыре месяца спать вместе с дикими животными... Для этого надо или страдать от психического расстройства, или очень хотеть привлечь к себе внимание. Мелькнула мысль, что он нацелился на собственное ток-шоу на телевидении. В те дни многие так делали.

– А вы не боитесь, что волки нападут на вас во сне?

Люк заулыбался:

– Не буду врать, в первую ночь в вольере мне было совсем не до сна. Но в целом волки гораздо больше боятся людей, чем принято думать. Я позволил им учить меня, вместо того чтобы командовать, поэтому на данный момент стая приняла меня как младшего члена.

«Определенно, психическое заболевание», – мелькнула у меня мысль.

– Тогда я задам напрашивающийся вопрос: зачем?

Люк пожал плечами:

– Я считаю, что наблюдения со стороны недостаточно, чтобы понять сущность волка. Большинство биологов со мной не согласятся и скажут, что можно наблюдать за взаимодействием внутри волчьей стаи через объектив фотокамеры и делать выводы, основываясь на том, что нам известно о поведении людей. Но разве это не ущербная логика? Если вы хотите понять волчий мир, надо в нем жить. Вы должны говорить на их языке.

– То есть вы знаете волчий язык?

Люк усмехнулся:

– Можно сказать, свободно владею. Могу и вас научить некоторым фразам. – Он поднялся, поставил ногу на скамейку и наклонился ко мне. – У волков есть три разновидности воя, – пояснил он. – Есть поисковый вой, он рассказывает о местонахождении всех стай в этой местности. Не только о своей стае, но и о соперниках. Предупреждающий вой звучит немного глубже. Он предостерегает о том, что лучше держаться подальше; это способ защитить территорию и семью в ее границах. Третий тип воя – это зов. Он похож на классический вой, который вы слышите в голливудских фильмах, – скорбный, меланхоличный. Его издают, если член стаи потерялся, и ученые привыкли думать, что он выражает горе, но на самом деле это звуковой маяк. Он помогает пропавшему волку найти дорогу домой.

– Вы можете продемонстрировать?

– Только с вашей помощью, – галантно заявил Люк.

Он потянул меня за руку, и мне пришлось встать.

– Сделайте глубокий вдох, наполните легкие. Задержите дыхание как можно дольше, а затем выдохните. На третьем выдохе выпускайте звук.

Он трижды вдохнул, приложил ладонь ко рту, и протяжный звук, состоящий из двух тонов, заметался по вольеру, взмывая над верхушками деревьев. Волки с любопытством подняли головы.

– Попробуйте, – предложил Люк.

– У меня не получится...

– Еще как получится. – Он сзади положил руки мне на плечи.

– Выдохните, – наставлял он. – Выдохните. Вдох... выдох. Вдох... Готовы? – И, наклонившись вперед, прошептал мне на ухо: – Отпускайте.

Я закрыла глаза, и весь воздух в легких хлынул наружу, повинуюсь вибрации, которая начиналась где-то посередине и заполнила все тело. Потом я повторила этот звук. Он был первобытным, гортанным. Сзади Люк тоже выл, но его вой отличался от моего, он был протяжнее, глубже, насыщеннее. Когда его голос сливался с моим, получалась песня. На этот раз волки в вольере запрокинули головы и ответили.

– Потрясающе! – закричала я, прервав вой, чтобы послушать, как узором из волн переплетаются голоса волков. – Они знают, что мы люди?

– А какое это имеет значение? – спросил Люк. – Это был поисковый вой. Довольно просто.

– Попробуем еще раз?

Он сделал глубокий вдох, округлив рот буквой «О». Изданный звук, совершенно не похожий на предыдущий, казался квинтэссенцией горя. В единственной ноте я услышала душу саксофона, разбитое сердце.

– Что это значит?

Он смотрел на меня так пристально, что я не могла отвести взгляд.

– Это ты? – прошептал Люк. – Та, кого я ищу?

Кара безуспешно пытается съесть стоящее на подносе желе. Ей удается гонять небольшую миску по подносу левой рукой, но каждый раз, когда она пытается зачерпнуть ложкой, миска либо опрокидывается, либо скользит.

– Давай помогу. – Я присаживаюсь на край кровати и кормлю ее с ложки.

Дочь открывает рот, как птенец, и глотает.

– Ты все еще злишься на меня?

– Да, – вздыхаю я. – Но это не значит, что я тебя не люблю.

Я наблюдаю, как она проглатывает еще кусочек, и вспоминаю, как трудно было заставить Кару перейти на твердую пищу. Она охотно размазывала ее по волосам, рисовала пальцем на подносе стульчика для кормления или выплевывала мне в лицо. На взвешиваниях ее вес всегда был на грани недоедания, и я изо всех сил старалась объяснить патронажным сестрам, что не морю дочь голодом – она сама не ест.

Когда Каре было около года, мы остановились в «Макдоналдсе» по дороге домой с матча малой лиги, где играл Эдвард. Пока я открывала баночки с детским питанием и рылась в сумочке в поисках слюнявчика, Кара потянулась с высокого стульчика к подносу с «Хеппи мил» Эдварда и радостно принялась жевать картошку фри.

– А почему она не ест свою еду для малышей? – удивился Эдвард.

– Ну, видимо, она уже не малыш, – ответила я.

Он обдумал мой ответ и спросил:

– Она все еще Кара?

Стоит отвернуться, и люди, которых вроде бы хорошо знаешь, меняются. Твой маленький мальчик теперь живет на другом конце мира. Дочка-красавица сбегает из дому по ночам. Вполне вероятно, что бывший муж медленно умирает. Именно по этой причине танцоры в самом начале учатся ориентироваться во время пируэта: мы все хотим отыскать место, откуда начинали свой путь.

Здоровой рукой Кара отодвигает поднос и щелкает пультом телевизора, переключая каналы:

– Ничего интересного.

Время – пять часов, по всем телеканалам сейчас идут местные вечерние новости.

– Новостные передачи тоже могут быть полезны, – назидательно говорю я.

Я смотрю на экран, где транслируется передача с канала, на котором я раньше работала. Ведущей на вид лет двадцать, и у нее слишком много косметики вокруг глаз. Если бы я про-

должала работать в радиовещании, то сейчас стала бы продюсером. Они остаются за камерой, и им не приходится беспокоиться о прыщах, седых корнях и пяти лишних фунтах.

– Дэниел Бойл, прокурор округа Графтон, одержал ошеломляющую победу в спорном процессе, который, по мнению некоторых, является выдающейся победой консерваторов в штате. Судья Мартин Кренстейбл постановил сегодня, что беременная Мерили Свифт, перенесшая в декабре разрыв аневризмы, будет находиться на жизнеобеспечении еще шесть месяцев, чтобы доносить ребенка до полного срока. Бойл решил сам заняться этим делом, когда муж и родители женщины попросили больницу отключить Мерили Свифт от аппарата искусственного дыхания.

– Свинья, – бормочу я себе под нос. – Он бы и глазом не моргнул на просьбу родителей, если бы в этом году не предстояли выборы.

На экране показывают интервью на ступеньках здания суда со своим в доску парнем Дэнни, как он любит, чтобы его называли.

– Я горжусь тем, что забочусь о самых маленьких жертвах, о тех, у кого пока нет голоса, – заявляет он. – Жизнь есть жизнь. И я знаю, что, если бы миссис Свифт могла говорить, она бы хотела, чтобы о ее ребенке позаботились.

– Ради всего святого! – вырывается у меня, и я забираю пульт у Кары, переключаю на другой канал, и у меня отвисает челюсть.

Экран за спиной ведущего заполняет изображение ухмыляющегося Люка, чье лицо облизывает волк.

– Каналу WMUR стало известно, что Люк Уоррен, натуралист и защитник природы, ставший широко известным из-за своей жизни среди волков, находится в критическом состоянии после автомобильной аварии. Уоррена запомнят благодаря программе на кабельном телевидении, где подробно описывался его опыт общения с волками в фактории Редмонд в Нью-Гэмпшире...

Я нажимаю кнопку на пульте, и экран гаснет.

– Они будут говорить все, что угодно, лишь бы привлечь зрителей. Мы не обязаны слушать.

Кара утыкается лицом в подушку:

– Они говорят об отце так, будто он уже мертв.

Смешно думать, что после шести лет, когда нас с Эдвардом разделяло несколько континентов, сейчас он сидит этажом ниже меня, и мы по-прежнему не вместе.

Все матери рано или поздно узнают, каково это, когда сын уходит. Разлука происходит множеством естественных путей – летний лагерь, колледж, брак, карьера. Она ощущается как внезапная дыра в ткани, из которой вы сделаны, и как бы вы ни пытались ее починить, остается грубый шрам. Ни за что не поверю, что есть на свете матери, спокойно воспринимающие тот факт, что ребенок больше в них не нуждается. Меня же эта истина застала врасплох. Эдвард ушел, когда ему исполнилось восемнадцать и он только начал подавать документы для поступления на следующий год в колледж. Я считала, что у меня в запасе есть еще полгода, чтобы придумать, как вырезать его из картины своей жизни, не забывая все время улыбаться, чтобы, не дай бог, он не заподозрил, будто я не в восторге от его удачи. Но Эдвард так и не поступил в колледж. Вместо этого в одно ужасное утро он оставил записку и исчез. Может быть, поэтому мне казалось, будто мной выстрелили из пушки.

Я не хочу оставлять Кару одну, поэтому жду, пока она не заснет, и только потом отправляюсь в отделение реанимации. Эдвард сидит в кресле, уткнувшись головой в руки, будто молится. Я жду, не желая его беспокоить, и вдруг понимаю, что сын задремал.

Благодаря этому у меня есть возможность внимательнее присмотреться к Люку. В последний раз, когда я заходила сюда с Карой и социальным работником, меня больше интересовала реакция дочери, чем своя собственная.

Я всегда представляла Люка глаголом. Он воплощал движение, а не покой. Встреча с бывшим мужем напоминает о временах, когда я старалась проснуться раньше его, чтобы полюбоваться лепным изгибом уха, золотистым склоном челюсти, разноцветными шрамами на руках и шее, накопленными за бурные годы.

Наверное, я издаю какой-то горловой звук, потому что внезапно Эдвард просыпается и смотрит на меня.

– Прости, – брыкаю я, хотя не знаю, перед кем извиняюсь.

– Странно, правда?

Эдвард поднимается с кресла и встает рядом со мной. Я понимаю, что от него пахнет мужчиной. Похоже на дезодорант «Олд спайс» и крем для бритья.

– Мне все время кажется, что он просто спит.

Я обнимаю сына за талию и крепко прижимаю к себе.

– Я хотела спуститься пораньше, но...

– Кара, – кивает он.

Я смотрю на Эдварда:

– Она не знала, что ты здесь.

Сын криво улыбается:

– Отсюда и теплый прием.

– Она сейчас не может ясно мыслить.

– Да нет, она совершенно ясно считает, что я мерзавец. – Эдвард ухмыляется. – И сдается мне, что она права.

Я смотрю на Люка. Он без сознания, но мне не по себе от подобного разговора в его присутствии.

– Я хочу кофе, – заявляю я, и Эдвард следует за мной по коридору в комнату для посетителей.

Это грустная маленькая комнатка с серыми стенами и без окон. В углу стоит кофеварка и ящик для пожертвований, куда можно опустить доллар за чашку кофе. Еще там есть два дивана и несколько кресел, старые журналы и коробка с потрепанными игрушками.

Пока Эдвард опускается на диван, я завариваю ему пакетик «Кьюрига».

– Может, твоя сестра этого и не понимает, но ты ей нужен.

– Я не останусь, – немедленно откликается Эдвард. – Я уеду, как только... – Он обрывает фразу, и я не буду заканчивать ее за него. – Я ощущаю себя обманщиком. Часть меня понимает, что я должен сидеть в палате и разговаривать с врачами, потому что я его сын и сыновья обязаны так поступать. Но есть и другая часть, которая давно не считает себя его сыном и знает, что я буду последним человеком, которого он захочет видеть, когда откроет глаза.

С финальным шипением кофеварка выплевывает кофе. Я вдруг осознаю, что понятия не имею, какой кофе предпочитает мой сын. Когда-то я знала о своем мальчике все до мельчайших подробностей – откуда у него шрам на затылке, все родинки, где он боится щекотки и в какой позе любит спать, на спине или на животе. Чего еще я не знаю о собственном ребенке?

– Ты приехал домой по моей просьбе, – искренне говорю я, протягивая ему кофе без сахара и молока. – Это был правильный поступок.

Эдвард проводит пальцем по ободку бумажного стаканчика:

– Мам, что, если...

Я сажусь рядом с ним:

– Если – что?

– Ты знаешь.

В больничных стенах надежда и реальность живут в разных плоскостях. Эдварду не нужно пояснять, что он имеет в виду; именно то, о чем я изо всех сил стараюсь не думать. Сомнение подобно краске. Стоит ему пролиться на ткань ваших оправданий, это пятно уже никогда не вывести.

Мне многое хотелось бы сказать Эдварду. Что все происходящее несправедливо и нелепо. После всех авантюр Люка, после всех случаев, когда он мог умереть от переохлаждения, нападения дикого животного или сотни других ужасных происшествий, почему-то кажется унижительным, что его подкосило нечто настолько обыденное, как автомобильная авария.

– Давай пока не будем об этом, – говорю я.

– Я чувствую себя не в своей тарелке, ма.

– Любому было бы не по себе. – Я потираю виски. – Пока просто слушай и запоминай, что говорят врачи. Чтобы обсудить все с Карой, когда она будет готова к разговору.

– Можно кое о чем тебя спросить? – спрашивает Эдвард. – Почему она меня так ненавидит?

У меня мелькает мысль скрыть от него правду, но я тут же вспоминаю о Каре, которая напилась в ночь аварии. Я и так уже веду себя как законченная лицемерка, пытаюсь представить ей состояние Люка в радужном свете, хотя оно совершенно точно не внушает оптимизма.

– Она винит тебя.

– Меня? – Глаза Эдварда округляются. – В чем?

– В том, что мы с отцом развелись.

Эдвард давится смехом:

– И она считает меня виноватым? Почему? Меня здесь даже не было.

– Ей было одиннадцать. Ты исчез, не попрощавшись. Естественно, мы с Люком начали ссориться из-за того, что произошло...

– Что произошло, – тихо повторяет Эдвард.

– В любом случае, с точки зрения Кары, ты стал первым звеном в цепи событий, которые разрушили ее семью.

Сорок восемь часов с того мгновения, как мне позвонили из больницы и сообщили, что Кара пострадала в аварии, я держала себя в руках. Я была сильной, потому что дочь нуждалась в сильной матери. Когда на горизонте Эверестом маячат новости, которые вы не хотите слышать, можно пойти двумя путями. Трагедия или пронзит мечом вас насквозь, или обнажит твердость характера, о которой вы не подозревали. Вы либо срываетесь и рыдаете, либо говорите: «Ладно. И что дальше?»

Может, дело в том, что я устала, но в конце концов я позволяю себе разрыдаться.

– Я понимаю, ты чувствуешь себя виноватым из-за того, что оказался здесь после всего, что произошло между вами с отцом. Но ты не единственный, кого мучает вина, – признаюсь я. – Пусть это звучит ужасно, но мне все равно кажется, это лишь первый шаг в цепи событий, которые снова соберут нашу семью вместе.

Эдвард не знает, что делать с рыдающей матерью. Он встает и протягивает мне стопку салфеток из корзины с кофейными принадлежностями. Потом заключает в неловкие объятия.

– Не надейся, – говорит он.

Словно по молчаливому соглашению, мы покидаем комнату для посетителей бок о бок.

И оба предпочитаем не замечать, что я так и не выпила кофе, за которым пришла.

Люк

В волчьем мире в интересах каждого заполнить пустующее место в стае. Ряды семьи, где один член погиб или пропал без вести, непоправимо редеют. Соперничающая за территорию стая становится еще большей угрозой, и предупреждающий вой, который исполняет семья, сменяется более высокой нотой – приглашением одиноким волкам поблизости присоединиться к стае и вместе сражаться с соперниками.

Так что может заставить одинокого волка откликнуться на приглашение?

Представьте, что вы совсем одни в дикой природе. Вы становитесь потенциальной добычей других хищников, врагом живущей поблизости стаи. Вы знаете, что большинство стай выходит на охоту на закате и рыскает до рассвета, поэтому будете передвигаться днем, что сделает вас более уязвимым и заметным. Вам приходится балансировать на натянутом канате, мочиться в ручьи, чтобы скрыть свой запах от врагов, которые могут вас выследить и бросить вызов. За любым поворотом подстерегает опасность, любое встреченное животное может напасть на вас. Самый верный шанс на выживание – примкнуть к стае.

Вместе безопаснее. Вы доверяете членам своей семьи. Вы говорите: «Если ты поможешь мне выжить, я сделаю для тебя то же самое».

Эдвард

Получается, сестра ненавидит меня за то, что я испортил ее детство. Господи, как бы мы посмеялись, если бы она могла оценить иронию этого заявления. Может, когда-нибудь, когда станем старыми и седыми, мы действительно сможем вспоминать это со смехом.

Но вряд ли.

Меня всегда поражало, как люди умудряются додумать что-то свое, если не дать им объяснений. Я оставил матери записку, приколотую к подушке, чтобы она нашла ее утром, когда сам уже буду далеко. В записке говорилось, что я ее люблю и это не ее вина. Я просто не могу больше смотреть отцу в глаза.

Все это было чистой правдой.

– Жажда мучает? – неожиданно спрашивает женщина.

Я отпрыгиваю назад, когда понимаю, что на мои кроссовки льется кока-кола из автомата с газировкой в больничном кафетерии, перед которым стою.

– Боже! – бормочу я, отпуская рычаг.

Я оглядываюсь вокруг в поисках чего-нибудь, чем можно вытереть одежду. В честь какой-то экологической инициативы салфетки выдают на кассе поштучно. Я перевожу взгляд на кассиршу, но та в ответ прищуривается и качает головой.

– Луэллен! – кричит она через плечо. – Позови уборщика!

– Держите.

Женщина рядом со мной достает из сумочки пачку бумажных салфеток и принимается вытирать мою промокшую рубашку и брюки. Я пытаюсь отобрать у нее влажный ком, и мы сталкиваемся лбами.

– Ой!

– Простите, – говорю я. – Я немного не в себе.

– Я вижу.

Она улыбается, демонстрируя ямочки на щеках. Судя по всему, примерно моего возраста. Я вижу больничный бейдж, но на ней нет ни халата, ни хирургической формы.

– Давайте я угощу вас кока-колой.

Наполнив еще один стакан, она перекладывает банан и йогурт с моего подноса на свой. Расплачивается по пропуску, и я следую за ней в обеденный зал.

– Спасибо. – Я тру ладонью лоб. – В последние дни я мало спал. Я вам очень признателен.

– Я вам очень признателен, Сьюзен, – говорит она.

– Меня зовут Эдвард...

– Приятно познакомиться, Эдвард. Я вас поправила, чтобы вы запомнили мое имя на потом.

– На потом?

– Ну, если вы решите мне позвонить.

Наш разговор делает сумасшедшие выражи, за которыми мне не угнаться.

Сьюзен тут же сникает:

– Черт! Нужно было догадаться. Внутренний голос часто меня подводит. Кошмар, правда? Знакомиться в больничном кафетерии... Сейчас наверняка окажется, что или вы пациент, или ваша жена лежит в родильном отделении. Но вы выглядели таким беспомощным... Кстати, мои родители познакомились на похоронах, поэтому мне всегда кажется, что стоит рискнуть, если вдруг встретился человек, которого хочется узнать получше.

– Погодите, вы пытались флиртовать со мной?

– Самым натуральным образом.

Впервые за время нашего разговора я улыбаюсь:

– Дело в том, что это не ко мне.

Теперь настала ее очередь выглядеть смущенной.

– Про натуральный образ, я имею в виду. Я играю за другую команду, – поясняю я.

Сьюзен хохочет:

– Поправочка: мой внутренний голос не просто меня подвел – он безнадежно сломан. Похоже, я установила рекорд, как низко может пасть одинокая девушка.

– Но я все равно очень польщен, – говорю я.

– И вдобавок получил бесплатное угощение. Можем наслаждаться, пока мы здесь. – Она указывает на стул напротив. – Так что же привело вас в Мемориальную больницу Бересфорда?

Я колеблюсь, думая об отце, неподвижно и безмолвно лежащем в реанимации. Потом о забинтованной от шеи до пояса, как раненый солдат, сестре, которая ненавидит меня до глубины души.

– Расслабьтесь. Я не подбиваю вас нарушать закон о тайне медицинских данных. Просто подумала, что неплохо будет поболтать пару минут. Если, конечно, вы никуда не торопитесь.

Я должен вернуться к постели отца. Впервые за двенадцать часов я оставил его без присмотра и зашел в кафетерий, только чтобы купить немного еды и продержаться еще двенадцать часов. Но вместо того чтобы отказаться, я сажусь напротив Сьюзен. Всего пять минут, обещаю себе.

– Нет, – произношу я первую ложь в долгой череде. – Не тороплюсь.

По возвращении в палате отца меня поджидают двое полицейских. Я уже ничему не удивляюсь. Еще одна странность в длинной череде событий, которые я никогда не мыслил пережить.

– Мистер Уоррен? – спрашивает один.

Мне странно слышать, когда ко мне так обращаются. В Таиланде ко мне обращались «аджарн Уоррен» – старший учитель Уоррен, – и даже от такого обращения мне становилось не по себе, словно я надел рубашку на вырост. На самом деле я понятия не имею, в какую минуту человек становится взрослым и начинает с удовольствием откликаться на «мистера», но уверен, что еще не достиг этого возраста.

– Я офицер Уигби, а это офицер Дюмон, – представляется полицейский. – Сожалею о вашей... – Он замолкает, не произнеся слова «утрата» вслух. – О происшествии.

Офицер Дюмон выступает вперед с бумажным пакетом в руках:

– На месте аварии мы нашли личные вещи вашего отца и подумали, что вы бы хотели их получить.

Я протягиваю руку и беру пакет. Он легче, чем казалось на вид.

Полицейские прощаются и выходят из комнаты. На пороге Уигби оборачивается:

– Я смотрел все эпизоды «Планеты животных». Помните выпуск, где волчицу чуть не отравили до смерти? Богом клянусь, я плакал как ребенок!

Он говорит о Вазоли, молодой самке, которую отец вывез в Редмонд из зоопарка, где с ней жестоко обращались. Отец построил для нее вольер и подселил двух братьев, чтобы создать новую стаю. Однажды борец за права животных ворвался в парк Редмонда после закрытия и подменил доставленное со скотобойни мясо на куски, напичканные стрихнином. Поскольку Вазоли была альфа-самкой стаи, она поела первой и рухнула без сознания в пруд. Операторская группа снимала, как отец вылавливал ее из воды, нес в трейлер и заворачивал в одеяла, чтобы согреть, пока к ней не вернутся признаки жизни.

Эта фраза полицейского относится не только к тому, что ему нравятся волки. Она говорит о том, что он помнит отца в расцвете сил, а тело на больничной койке не имеет ничего общего с настоящим Люком Уорреном.

Когда они уходят, я сажусь рядом с отцом и роюсь в пакете. Там пара солнцезащитных очков-авиаторов, квитанция за заправку на «Джиффи луб», мелочь. Бейсболка с обгрызенным козырьком. Сотовый телефон. Бумажник.

Я ставлю пакет на пол и верчу в руках бумажник. На вид он почти новый, но, с другой стороны, отец редко носил его с собой. Обычно он оставлял его в кабине грузовика, потому что не хотел рисковать – вдруг какой-нибудь любопытный волк вытащит бумажник из заднего кармана. К двенадцати годам я научился всегда брать наличные, когда выходил из дому с отцом, чтобы не попасть в неловкое положение, когда нечем расплатиться за продукты.

С медицинским безразличием я открываю бумажник. Внутри сорок три доллара, карточка «Виза» и визитка ветеринара из Линкольна. Карта лояльности магазина кормов и зерна с надписью «СЕНО?» на обороте, сделанной почерком отца, а под ней нацарапан номер телефона. Еще там есть фотография Кары размером с бумажник, с убогим голубым фоном, которым часто грешат школьные фотографии. Никаких признаков того, что мы с ним вообще были знакомы.

Думаю, надо отдать все это Каре.

Водительские права отца лежат в ламинированном кармашке. На фотографии он совсем не похож на себя: волосы гладко зачесаны назад, а во взгляде в камеру ясно читается, что он считает все происходящее личным оскорблением.

В правом нижнем углу нарисовано маленькое красное сердечко.

Я помню, как заполнял документы на получение собственных прав, когда мне исполнилось шестнадцать.

– Я хочу быть донором органов? – крикнул я матери на кухню.

– Не знаю, – ответила она. – Ты как думаешь?

– Как я могу принять такое решение прямо сейчас?

Она пожала плечами:

– Если не можешь решить сейчас, то не надо ставить галочку.

В этот момент на кухню зашел отец, чтобы перекусить перед обратной дорогой в Редмонд. Помню, я тогда удивился, что даже не знал, дома ли он. Отец обычно приходил и уходил по одному ему известному графику. Мы не считались его домом, мы были местом, где можно принять душ, переодеться и иногда поесть.

– А ты донор органов? – спросил я его.

– Что?

– Ну ты знаешь, в водительском удостоверении указывается. Меня бы просто вывернуло. – Я поморщился. – Представь, моя роговица на чужих глазах. Печень в чужом животе.

Отец присел за стол напротив и принялся чистить банан.

– Если дело дойдет до такого, – сказал он, пожимая плечами, – не думаю, что тебя физически сможет вырвать.

В итоге я не стал ставить галочку. В основном потому, что отец, оказывается, одобряет донорство, а я был решительно против всего, что он одобрял.

Видимо, отец остался верен своему убеждению.

Раздается тихий стук в открытую дверь, и входит Трина, социальный работник. Мы уже успели познакомиться: она работает с доктором Сент-Клэрсом. Именно она толкала инвалидное кресло Кары, когда сестру привезли навестить отца в реанимации.

– Здравствуй, Эдвард, – говорит она. – Не возражаешь, если я посижу с тобой?

Я качаю головой, и она пододвигает стул к моему.

– Как у тебя дела? – спрашивает Трина.

Станный вопрос от того, кто зарабатывает на жизнь, помогая попавшим в беду людям. Интересно, часто ей отвечали, что все просто прекрасно? Да и стала бы она ютиться тут со мной, если бы думала, что я со всем справляюсь?

Сначала я никак не мог взять в голову, почему к отцу, лежащему без сознания, приставили социального работника. Затем понял, что Трина должна оказывать поддержку мне и Каре. Раньше я всегда считал, что социальные работники занимаются в основном устройством в приемные семьи, и не совсем понимал, какой помощи от нее можно ожидать, но Трина оказалась отличным подспорьем. Если я хотел поговорить с доктором Сент-Клэр, она его разыскивала. Если я забывал, как зовут старшего ординатора, она мне подсказывала.

– Насколько мне известно, ты сегодня разговаривал с доктором Сент-Клэр, – начинает разговор Трина.

Я смотрю на профиль отца.

– Можно вас кое о чем спросить?

– Конечно.

– На вашей памяти бывало, чтобы кому-то становилось лучше? Таким же пациентам... которым так же плохо, как ему?

Я выдавливаю из себя слова, не в силах взглянуть на больничную койку. Вместо нее я смотрю на пятно на полу.

– Есть множество вариантов восстановления после черепно-мозговой травмы, – отвечает Трина. – Но, судя по тому, что говорит доктор Сент-Клэр, травма твоего отца очень обширная и шансы на выздоровление у него в лучшем случае минимальные.

Лицо заливает жаром. Я прижимаю к щекам руки.

– А кто будет решать? – тихо спрашиваю я.

Трина понимает, что я хочу узнать.

– Если бы твой отец был в сознании, когда его доставили в больницу, – мягко говорит она, – его бы спросили, хочет ли он оставить распоряжения заранее. Например, написать заявление и указать доверенного человека по медицинским вопросам. Того, кто получит право принимать от его имени решения.

– Я думаю, он хотел бы стать донором органов.

Трина кивает:

– В законе о завещании своих органов науке все расписано. К кому из членов семьи будут обращаться и в каком порядке, чтобы получить разрешение на донорство органов, если пациент с медицинской точки зрения недееспособен и не может сам выразить волю.

– Но в его водительском удостоверении стоит значок донора.

– Что ж, это немного упрощает дело. Этот символ означает, что он зарегистрировался как донор и подписал законное согласие. – Она колеблется. – Но, Эдвард, прежде чем говорить о донорстве органов, надо будет добиться принятия еще одного решения. А в этом штате нет установленного порядка, которому нужно следовать, когда дело доходит до отключения жизнеобеспечения. Если дело касается пациентов с такими травмами, как у твоего отца, еще до того, как зайдет речь о донорстве органов, ближайшие родственники должны принять решение о прекращении лечения.

– Мы с отцом не разговариваем уже шесть лет, – признаюсь я. – Я понятия не имею, что он ест на завтрак, и уж тем более какого решения он бы от меня ждал в подобной ситуации.

– Тогда, – произносит Трина, – я считаю, что тебе нужно поговорить с сестрой.

– Она не хочет со мной разговаривать.

– Ты уверен? Или ты не хочешь с ней разговаривать?

Через несколько минут она уходит, я запрокидываю голову и вздыхаю. Трина абсолютно права. Я скрываюсь в палате с отцом именно потому, что он без сознания и не может высказать, насколько зол за мой побег шесть лет назад. С другой стороны, сестра может и обязательно выскажет. Во-первых, за то, что ушел, не сказав ни слова. А во-вторых, за то, что вернулся и занял место, по праву принадлежащее ей, ведь кто сейчас знает отца лучше ее? Да и отец, скорее всего, хотел бы видеть у своей постели Кару, будь у него выбор.

Я понимаю, что все еще держу в руке отцовский бумажник. Достая оттуда водительское удостоверение, провожу пальцем по маленькому сердечку – значку донора органов. Но когда я поднимаюсь, чтобы засунуть его обратно, замечаю в ламинированном кармашке кое-что еще.

Это фотография, вырезанная так, чтобы поместиться в маленьком отделении бумажника. Она сделана в 1992 году на Хэллоуин. На мне бейсболка, покрытая мехом, с торчащими вверх острыми ушами. Лицо раскрашено, чтобы походить на морду. Мне было четыре года, и я хотел костюм волка.

Интересно, знал я тогда, что отец любит этих животных больше, чем меня?

И почему он держит эту фотографию в бумажнике, несмотря на все, что произошло между нами?

Хотя я был на семь лет старше Кары, я ей завидовал.

Ее каштановые локоны и пухлые щечки привлекали внимание, и люди часто останавливали везущую коляску мать, чтобы выразить восторг по поводу красивого ребенка. И только потом замечали стоявшего рядом угрюмого второклассника, худого и застенчивого.

Но я завидовал не внешности Кары, а ее уму. Она никогда не принадлежала к тем детям, которые просто играют в куклы. Вместо этого она расставляла игрушки по всему дому и разыгрывала до мелочей продуманную историю о сироте, зайцем плывущей через океан на пиратском корабле в поисках женщины, которая продала ее при рождении, чтобы спасти мужа от пожизненного заключения. Учителя в начальной школе всегда писали в табелях о ее склонности к фантазированию. Однажды маму вызвали к директору, потому что Каре удалось убедить одноклассников, будто ее дедушка-астрофизик совершенно точно сказал, что к шести часам вечера Солнце врежется в Землю и мы все умрем.

Несмотря на то что между нами была значительная разница в возрасте, я иногда соглашался поиграть с ней. Одна из ее любимых игр заключалась в том, чтобы спрятаться в шкафу в спальне и дать команду на взлет. В темноте она болтала о планетах, мимо которых мы пролетали, а когда снова открывала дверцы, с восторгом описывала шестиглазых пришельцев и дрожащие, как зеленое желе, горы.

И хотя я был достаточно взрослым, чтобы не попадаться на уловки сестры, больше всего на свете мне хотелось увидеть этих инопланетян и горы. Наверное, еще в детстве, когда я понял, что отличаюсь от других детей, во мне жила огромная надежда на возможные перемены – мол, я смогу стать таким же, как все. Но каждый раз, когда я открывал дверцу шкафа и оглядывался вокруг, видел все тот же старый комод, бюро и маму, убирающую выглаженное белье Кары.

Неудивительно, что, когда отец отправлялся в свою глушь, Кара всегда отвечала по-разному на вопросы о его местонахождении. Папа в Каире, помогает египтологам на раскопках. Папа проходит подготовку к космической миссии. Папа снимает фильм с Брэдом Питтом в главной роли.

Понятия не имею, действительно ли сестра верила в то, что говорила, но могу сказать только одно: хотелось бы мне так же легко придумывать оправдания для отца.

Этаж больницы, где лежит Кара и другие пациенты с ортопедическими проблемами, сильно отличается от отделения интенсивной терапии. Во-первых, здесь намного больше движения вокруг, и на смену мертвой тишине реанимации приходят разнообразные междометия, издаваемые медсестрами, пока те ухаживают за пациентами, скрип тележки с книгами, которые раздает волонтер, и шелест голосов из дюжины телевизоров, просачивающийся через двери палат.

Когда я вхожу в комнату Кары, она смотрит «Колесо Фортуны».

– Только праведники умирают молодыми, – произносит сестра в ответ на задание на экране.

Мать замечает меня первой.

– Эдвард? – встревоженно спрашивает она. – Что случилось?

Естественно, первая мысль, которая приходит ей в голову, – об отце. От выражения лица Кары у меня сводит живот.

– С отцом все в порядке. То есть, конечно, он не в порядке, но все так же. Ничего не изменилось.

Я чувствую, что уже начинаю все портить.

– Мам, можно мне поговорить с Карой наедине?

Мама переводит взгляд на Кару, но потом кивает:

– Пойду позвоню близнецам.

Я опускаюсь на освобожденный матерью стул и подтаскиваю его поближе к кровати.

– Ну... – неловко начинаю я, указывая на перевязанное плечо Кары. – Сильно болит?

Сестра не сводит с меня неподвижного взгляда.

– Бывало и хуже, – ровным голосом отвечает она.

– Я... мм... мне очень жаль, что наша встреча случилась при таких обстоятельствах.

Кара поджимает губы и дергает плечом:

– Ага... Зачем ты вообще приехал? Почему бы тебе просто не вернуться к своим делам и не оставить нас в покое?

– Если хочешь, я так и сделаю. Но мне бы очень хотелось рассказать тебе, чем я занимался. И еще мне бы очень хотелось узнать, чем ты занимаешься.

– Я живу с отцом. Не понимаю, почему ты притворяешься, будто знаешь его лучше меня.

Я потираю лицо рукой:

– Мне и так тяжело, ты можешь попытаться ненадолго забыть о ненависти ко мне?

– Ой, точно! Ты прав. О чем я только думаю? Я же должна поприветствовать тебя с распростертыми объятиями и забыть о том, что благодаря тебе наша семья развалилась. Потому что ты эгоист и, вместо того чтобы попытаться спокойно все обсудить, взял и сбежал. А теперь въезжаешь в больницу на белом коне и притворяешься, что переживаешь за отца.

Мне никак не убедить ее, что даже половины земного шара недостаточно, чтобы изгнать человека из мыслей. Я пытался и знаю, о чем говорю.

– Я знаю, почему ты сбежал, – говорит Кара, вздернув подбородок. – Признался отцу, что ты гей, и он вышел из себя. Мама мне все рассказала.

Когда я уходил, Кара была слишком маленькой, чтобы понять причину, но она выросла и начала задавать вопросы. Естественно, мать объясняла ей ситуацию так, как сама ее понимала.

– И знаешь что? Мне все равно, почему ты сбежал, – продолжает Кара. – Я лишь хочу понять, зачем ты вернулся, если никто не хочет тебя здесь видеть.

– Мама хотела, чтобы я приехал. – Я делаю глубокий вдох. – И я сам хочу быть здесь.

– Неужели ты нашел в Таиланде своего Иисуса? Или Будду? И сейчас хочешь искупить прошлые грехи, чтобы с чистой кармой перейти на следующий этап жизни? Но знаешь, что я скажу тебе, Эдвард? Я тебя не прощаю. Так что вот.

Почему-то я ожидаю, что сейчас она покажет мне язык. Ей больно, убеждаю я себя. Она злится.

– Послушай, если тебе нравится меня ненавидеть, ну что поделаешь. Если хочешь, чтобы следующие шесть лет я каждый день просил у тебя прощения, я согласен. Но речь сейчас идет не о нас. У нас будет достаточно времени, чтобы разобраться в происходящем между нами. Но у папы нет этого времени. Мы должны в первую очередь думать о нем. – (Кара наклоняет голову, и я воспринимаю жест как согласие.) – Врачи говорят... что его травмы слишком серьезные и не стоит надеяться на выздоровление...

– Врачи его не знают, – отвечает Кара.

– Но они врачи, Кара.

– Ты его тоже не знаешь...

– Что, если он никогда не проснется? – перебиваю я. – Что мы тогда будем делать?

По разлившейся по лицу сестры бледности я понимаю, что ей и в голову не приходило такое развитие событий. А если и приходило, она не позволила даже намеку на сомнения проникнуть в свои мысли из опасения, что с неумолимостью рака оно пустит корни, словно растущий летом вдоль дороги кипрей.

– О чем ты говоришь? – шепчет она.

– Кара, он не может всю оставшуюся жизнь лежать подключенным к аппаратам.

У сестры распаивается рот.

– Боже мой! Неужели ты ненавидишь его так сильно, что готов убить?

– Я не чувствую к нему ненависти. Ты можешь мне не верить, но я достаточно люблю отца, чтобы думать о том, чего хотел бы он, а не мы.

– Значит, ты выбрал дерьмовый способ показать свою любовь.

Ругательство из уст младшей сестры – все равно что скрип гвоздей по доске.

– Только не говори, что отцу понравится, что за него дышат машины. Что он захочет жить с сиделкой, которая будет купать его и менять подгузники. Что он не будет скучать по работе с волками.

– Он боец. Он никогда не сдается. – Кара качает головой. – Поверить не могу, что мы вообще это обсуждаем. И еще я не могу поверить, что ты считаешь, будто имеешь право говорить мне, чего хочет или не хочет отец.

– Просто я реалист, вот и все. Ты должна быть готова сделать трудный выбор.

– Выбор?! – Кара задыхается на этом слове. – Я знаю все о трудном выборе. Как держать себя в руках и не сорваться, когда родители разводятся. Даже несмотря на то, что единственный человек, который мог бы разделить мои чувства, меня бросил. Как выбрать, с кем жить, с матерью или отцом, если независимо от моего решения второй близкий человек будет страдать. Я сделала свой трудный выбор и выбрала отца. Так как ты смеешь говорить, что сейчас я должна предать его?

– Я знаю, ты его любишь. Я понимаю, ты не хочешь его потерять...

– Перед уходом ты сказал маме, что мечтаешь убить отца, – резко бросает Кара. – Видимо, ты рад, что тебе наконец представилась такая возможность.

Я не могу винить мать за то, что рассказала о моем заявлении сестре. Ведь это правда.

– Это было очень давно. Все меняется.

– Вот именно. И через две недели или через два месяца, а может, намного позже, отец сам выйдет из этой больницы.

Навещающие отца неврологи говорят совсем другое. Своими глазами я тоже вижу совершенно другое. Однако я понимаю, что Кара права. Как я могу принимать семейное решение совместно с сестрой, если давно не являюсь частью этой семьи?

– В любом случае прости, что я ушел. Но теперь я здесь. Знаю, что тебе больно, но на этот раз тебе не придется переживать это в одиночку.

– Если ты хочешь хоть как-то загладить свою вину, – говорит Кара, – скажи врачам, что я должна принимать решения о том, что будет происходить с отцом.

– Ты еще несовершеннолетняя. Они не станут тебя слушать.

Она пристально смотрит на меня:

– Но ты же можешь меня слушать.

По правде говоря, я тоже хочу, чтобы отец пришел в себя и поправился, но вовсе не потому, что он этого заслуживает.

Просто я хочу уехать отсюда как можно скорее.

Кара права. Шесть лет назад я перестал быть частью этой семьи. Нельзя просто вернуться и притворяться, что гладко вписался на свое место.

Я так и говорю мерящей коридор шагами матери, когда выхожу из палаты Кары.

– Я возвращаюсь домой.

– Ты уже дома.

– Ма, кого мы собираемся обманывать? Кара не хочет видеть меня здесь. Я понятия не имею, чего хотел бы от нас сейчас отец. От меня нет никакого толку, я только мешаю.

– Ты устал. Не просто устал, а переутомился, – успокаивает мать. – Ты сутки провел в больнице. Тебе надо поспать в нормальной кровати.

Она лезет в сумочку, достает цепочку со множеством ключей и снимает с нее один.

– Я не знаю, где ты сейчас живешь, – отвечаю я.

Мое признание только подчеркивает, что я больше не принадлежу к их миру.

– Но ты знаешь, где жил раньше, – возражает мать. – Это запасной ключ, и я держу его на случай, если Кара потеряет свой. В доме никого нет, естественно. В любом случае тебе было бы неплохо наведаться туда, убедиться, что все в порядке.

Как будто можно ожидать взлома в Бересфорде, штат Нью-Гэмпшир.

Мать вкладывает ключ в мою ладонь.

– Утро вечера мудренее, – добавляет она.

Я понимаю, что должен отказаться и разрубить этот узел раз и навсегда. Сесть в машину, доехать до аэропорта и купить билеты на первый же рейс в Бангкок. Но в голове словно гудит рой мух, а вкус сожалений во рту похож на горький миндаль.

– Только на одну ночь, – заявляю я.

– Эдвард... – Мать продолжает говорить, пока я удаляюсь от нее по коридору. – Тебя не было шесть лет. Но до отъезда ты прожил с ним восемнадцать. Ты знаешь о нем больше, чем тебе кажется.

– Этого я и боюсь, – отвечаю я.

– Что не сможешь принять правильное решение?

Я качаю головой:

– Как раз что смогу. Но по неправильным причинам.

Я ощущаю себя Алисой в Стране чудес.

Дом, куда я вошел, выглядит знакомым, но совершенно другим. Диван, лежа на котором я обычно смотрел после школы телевизор, изменился – он обзавелся полосатой обивкой вместо однотонной красной. Стены увешаны фотографиями отца с волками, но тут и там между ними вклинились школьные фотографии Кары. Я медленно обхожу их, рассматривая разрозненные иллюстрации взросления сестры.

В процессе я спотыкаюсь о пару ботинок, но они мало напоминают ее легкие детские кроссовки. Обеденный стол завален учебниками: сборник задач по математике, мировая история, Вольтер. На кухонной тумбе стоят пустая упаковка из-под апельсинового сока, три грязные тарелки и лежит комок бумажных полотенец. Мусор, оставленный тем, кто собирался вскоре вернуться и навести порядок.

На тумбе я также замечаю почти пустую коробку из-под хлопьев под названием «Лайф». Мне она кажется пророческой метафорой, а не небрежностью при уборке.

В доме также витает запах. Довольно приятный: пахнет улицей, соснами и дымком. Замечали, что, когда приходишь к кому-то в гости, в доме есть определенный запах... но в своем доме запах не чувствуется? Если бы я нуждался в дополнительных доказательствах, что я здесь чужой, то вот одно из них.

Я нажимаю на мигающую красную кнопку на автоответчике. Он прокручивает два сообщения. Одно – от девушки по имени Мэрайя и адресовано Каре.

«Слушай, мне так надо с тобой поговорить, а голосовая почта на твоём мобильном переполнена. Позвони мне!»

Второе – от Уолтера. Он живет в фактории Редмонда. Шесть лет назад он периодически ухаживал за волками, когда отец уезжал по делам. Распиливал туши, поступавшие со скотобойни, и звонил отцу посреди ночи, если кому-то из волков требовалась медицинская помощь, а отец вдруг ночевал дома, а не в трейлере в парке. Наверное, он все еще работает смотрителем, потому что в сообщении Уолтер спрашивает, какое лекарство давать волку.

Уже два дня мой отец не появляется в Редмонде. Вдруг Уолтер до сих пор не знает об аварии?

Я нажимаю на все подряд кнопки на телефоне, но не могу понять, как позвонить по последнему входящему номеру. В любом случае в доме должна быть адресная книга. Или контактные данные Уолтера могут храниться в компьютере.

Кабинет отца.

Так я называл его в детстве, хотя, насколько мне известно, отец никогда не пользовался этой комнатой. Формально это помещение отводилось под гостевую спальню, но там стоял канцелярский шкаф, письменный стол и семейный компьютер. А гости к нам никогда не приезжали. Именно туда я приходил два раза в неделю, чтобы оплатить семейные счета. Это считалось моей обязанностью, в то время как Кара отвечала за загрузку и разгрузку посудомоечной машины. Нам всем пришлось вносить свою лепту в хозяйство, когда отец уехал в Канаду, чтобы пожить в дикой стае. Наверняка он предполагал, что мать возьмет на себя заботу о финансовой стороне, но она всегда затягивала с оплатой, и после того, как нам дважды отключали отопление из-за просроченных платежей, мы решили, что оплатой займусь я. Так что в пятнадцать лет я уже знал, сколько денег тратится на содержание дома. Благодаря долгу на кредитной карте я узнал о процентных ставках. Я подводил баланс по чековой книжке. И после возвращения отца по молчаливому согласию я продолжил заниматься финансами семьи. Мысли отца постоянно разлетались в миллион разных мест, но ни разу не завели его за письменный стол с пачкой счетов, требующих оплаты.

Может показаться странным, что подросток отвечает за ведение семейного бюджета, что родители пренебрегают своими обязанностями. Я бы мог поспорить, что брать с собой детей в загоны с волками тоже не является образцом воспитания. Но никто и глазом не моргнул, когда Кара в двенадцать лет стала фотогеничной звездой шоу «Планета животных». Отец отличался даром убеждать даже самых злостных скептиков, что у него все под контролем.

Компьютерное кресло осталось прежним образчиком эргономичной мебели со множеством роликов и рычагов, позволяющих отрегулировать абсолютно все и не мучиться болями в спине. Мать нашла его на гаражной распродаже за десять долларов. Но компьютер поменяли, и вместо громоздкого системного блока на столе стоит изящный маленький «MacBook Pro». С заставки на экране на меня смотрит волк, и в его желтых глазах столько мудрости, что какое-то время я не могу отвести взгляд. Я по очереди открываю картотечные ящики и в одном нахожу кипу конвертов. На некоторых стоит пометка «ПРОСРОЧЕНО». Меня словно тянет магнитом, и я принимаюсь их сортировать. В ящике справа я нахожу чековую книжку, ручку, марки. По размеру пачки конвертов можно подумать, что счета не оплачивались с моего отъезда.

Честно говоря, я бы не удивился.

Я уже успел забыть, что привело меня в кабинет. Вместо этого я начинаю автоматически просматривать почту и выписывать чеки, подделывая подпись отца. Каждый раз, когда я открываю конверт, сердце на миг замирает, потому что ожидаю увидеть бланк шестилетней давности. Тот счет, от которого я лишился дара речи. Которым хотелось размахивать перед лицом отца, и пусть бы он попробовал солгать мне еще раз.

Но в этой стопке я не нахожу ничего подобного. Счета за коммунальные услуги, превышение лимита на кредитных картах и предупреждения от коллекторских агентств. После счета за телефон, электричество и квитанции за доставку масла мне приходится остановиться, потому что баланс чековой книжки уходит в отрицательные цифры.

Куда, черт побери, подевались деньги?!

Если бы мне предложили угадать, я бы поставил на Редмонд. У отца сейчас на содержании пять вольеров, пять отдельных стай. И дочь в придачу. Покачив головой, я открываю верхний ящик и укладываю обратно неоплаченные счета. Это не моя проблема. Я не бухгалтер отца. Я ему вообще больше никто.

Заталкивая конверты в слишком маленькое для них пространство, я замечаю пожелтевший листок, замятый в полозке ящика. Засунув руку внутрь, я пытаюсь его вытащить. Уголок отрывается, но мне все же удается вытянуть лист и разгладить его на столе рядом с ноутбуком...

Мне снова пятнадцать.

Вечером перед отъездом отца мы с Карой прятались.

Весь день в доме раздавались крики. Кричала мать, затем орал отец, потом мать разрыдалась.

– Если ты уедешь, можешь не возвращаться! – выкрикнула она.

– Ты же не всерьез, – ответил отец.

Кара посмотрела на меня. Она жевала свою косичку, и та выпала изо рта мокрой, как кисточка для рисования.

– Она же не всерьез? – спросила Кара.

Единственное, что я знал о любви, – она всегда безответная. Левон Якобс, мальчик с кожей цвета горячего шоколада, сидевший передо мной на алгебре, знал статистику всех игроков «Бостон брюинз». Он заговорил со мной только однажды, когда ему понадобился карандаш. К тому же, как и всем остальным мальчикам в моем классе, ему нравились девочки. Мать любила отца, но он думал только о своих глупых волках. Отец любил волков, но даже он признавал, что они не любят его в ответ и не стоит приписывать человеческие чувства диким животным.

– Это безумие! – закричала мать. – Люк, семейные люди так себя не ведут! Взрослые люди так себя не ведут!

– Ты так говоришь, словно я нарочно стараюсь задеть тебя, – ответил отец. – Это наука, Джорджи. И это моя жизнь.

– Именно, – ответила мать. – Твоя жизнь.

Кара прижалась ко мне спиной. Она была настолько худой, что я чувствовал выступы ее позвонков.

– Я не хочу, чтобы он умирал, – прошептала сестра.

Отец собирался жить в лесу без палатки, еды и какой-либо защиты, кроме брезентового комбинезона. Он планировал следить за естественным коридором миграции волков в Канаде и влиться в стаю, как уже проделывал с живущими в неволе группами. Если получится, он станет первым человеком, изучившим жизнь дикой стаи.

Конечно, если он останется в живых, чтобы рассказать о своих открытиях.

Голос отца смягчился и стал похож на войлок:

– Джорджи, не будь такой. В мою последнюю ночь дома.

Ответом ему послужила тишина.

– Папа обещал мне, что вернется, – прошептала Кара. – Он сказал, что, когда подрасту, я смогу отправиться с ним.

– Ни в коем случае не говори этого маме.

Я больше не слышал голосов родителей. Может, они помирились. Похожие споры происходили в нашем доме все шесть месяцев с тех пор, как отец объявил, что собирается в Квебек. Я мечтал, чтобы он поскорее уехал, потому что тогда родители, по крайней мере, перестанут ругаться.

Мы услышали, как хлопнула дверь, и через несколько секунд в дверь моей спальни постучали. Я жестом показал сестре затаиться и открыл дверь. На пороге стоял отец.

– Эдвард, нам надо поговорить.

Я распахнул дверь, но он покачал головой и жестом позвал меня за собой. Я бросил быстрый взгляд на Кару, призывая не шуметь, и пошел за отцом в комнату, считавшуюся его кабинетом, хотя на самом деле там стояло несколько коробок, письменный стол и лежала куча писем, до просмотра которых ни у кого не доходили руки. Отец убрал со складного стула стопку книг, освободив мне место, порылся в ящике стола и вытащил два стакана и бутылку шотландского виски.

Какое доверие: я и так знал, что она там хранится. Я даже сделал из нее несколько глотков. Отец пил крайне редко, потому что волки чуяли алкоголь в крови, и он вряд ли заметил бы, что спиртного в бутылке убавляется. Не стоит забывать, что мне было пятнадцать, и я также знал, что в стопке старых журналов «Лайф» на чердаке лежат два «Плейбоя» за декабрь 1983-го и март 1987-го. Я много раз перечитывал их в надежде, что наконец-то почувствую проблеск вожделения при виде обнаженной девушки. Но предложения выпить от отца не ждал – по крайней мере, пока мне не исполнится двадцать один год.

Мы с отцом не смогли бы стать менее похожими друг на друга, даже если бы специально пытались. И дело не в том, что я гей, – я никогда не видел и не слышал, чтобы отец проявлял гомофобию. Просто он был современной версией американских первопроходцев – скалачеловек, сплошь состоящий из мускулов и грубых инстинктов, – а я предпочитал читать Мелвилла и Готорна. Однажды на Рождество я написал ему в подарок эпическую поэму – я тогда переживал мильтоновскую стадию. Он охал и ахал, перелистывая рукописный текст, а позже я случайно услышал, как он спрашивает мать, что там имелось в виду. Я знаю, отец уважал мою тягу к знаниям; может, он даже видел в ней аналогию с тем зудом, который говорил ему, что пора отправиться в лес и ощутить, как хрустят под ногами сухие листья. Я сбегал от реальности с помощью книг, точно так же как отец сбегал в работу. Но экземпляр «Улисса» поставил бы его в тупик не меньше, чем меня ночь, проведенная в глухом лесу.

– Ты будешь хозяином в доме, – заявил он.

По тону его голоса я сразу понял, что он намекает на сомнения: смогу ли я убедительно сыграть возложенную на меня роль? Он налил по сантиметру янтарной жидкости в каждый стакан и протянул один мне. Отец выпил виски плавным глотком; я отхлебнул из своего дважды, почувствовал, как по внутренностям растекся огонь, и поставил на стол.

– Пока меня не будет, тебе придется принимать трудные решения, – сказал отец.

Я не знал, что ответить. И понятия не имел, о чем он говорит. Ведь то, что отец где-то далеко бегает с волками по лесу, совсем не означает, что мать не заставит меня убираться в своей комнате или делать домашнюю работу.

– Не думаю, что до этого дойдет, но все же.

Он вынул из-под пресс-папье на столе лист бумаги и придвинул мне.

Содержание было простым и написанным от руки.

Если я буду не в состоянии выразить свою волю, разрешаю моему сыну Эдварду принимать все необходимые решения о моем лечении.

Ниже – линия для его подписи. И еще ниже – линия для моей.

Сердце заколотилось пушечными залпами.

– Я не понимаю, – сказал я.

– Сначала я попросил маму, но она отказалась. Она не хочет делать ничего, что может походить на одобрение этой поездки. Но с моей стороны будет безответственно не думать о том... что может случиться.

Я уставился на отца:

– Что может случиться?

Конечно же, я знал ответ. Мне нужно было услышать, как отец вслух признается, что готов рисковать всем ради животных. Что он выбирает их, а не нас.

Отец не стал отвечать прямо:

– Слушай, мне нужно, чтобы ты это подписал.

Я взял листок бумаги. Под пальцами ощущались небольшие углубления и бугорки там, где ручкой провели с сильным нажимом, и меня внезапно затошнило от мысли, что всего пару минут назад отец размышлял о смерти.

Он протянул мне ручку. Я промахнулся и уронил ее на пол. Когда мы наклонились за ручкой и пальцы отца коснулись моих, меня словно током ударило. И тогда я понял, что подпишу эту бумагу, даже против своего желания. Потому что, в отличие от матери, я недостаточно силен, чтобы дать ему уйти, возможно навсегда, жалея, что все не повернулось иначе. Он предлагал мне шанс стать кем-то, кем я никогда раньше не был: тем сыном, о котором он мечтал, на кого мог положиться. Я должен стать тем, к кому он захочет вернуться, или как иначе мне продолжать верить, что он вернется?

Отец нацарапал свою подпись внизу страницы и передал ручку мне. На сей раз я удержал ее в пальцах. Тщательно вывел первую букву своего имени и остановился.

– А если я не буду знать, что делать? – спросил я. – Что, если я сделаю неправильный выбор?

И тут я понял, что отец относится ко мне как к взрослому, а не как к ребенку; он перестал притворяться. Он не стал говорить, что все будет хорошо; он не стал лгать.

– Очень просто. Если я не смогу отвечать за себя сам и тебя спросят, скажи им, чтобы отпустили меня.

Существует ошибочное мнение, что можно повзрослеть в одночасье. На самом деле детство остается позади намного быстрее, в один миг. Я взял ручку и дописал свое имя. Затем поднял стакан с виски и осушил его одним глотком.

На следующее утро, когда я проснулся, отца уже не было дома.

Я долго смотрю на шипастый, вьющийся почерк пятнадцатилетнего себя, будто в зеркало своих мыслей. Я совсем забыл об этой бумажке – и отец тоже. Спустя год и триста сорок семь дней он выбрался из канадской глуши с волосами до пояса, запекшейся на бородатом лице грязью и перепугал до смерти группу школьниц на стоянке у шоссе. Отец вернулся домой и обнаружил, что семья продолжает жизнь без него. Он с трудом заново привыкал к простым вещам, например к душе, приготовленной пище и человеческому языку. Ни он, ни я больше никогда не упоминали об этом листке бумаги.

Не один раз я слышал посреди ночи шаги, и когда тихонечко спускался вниз, то обнаруживал отца на газоне на заднем дворе спящим под ночным небом. Уже тогда мне следовало понять, что стоит человеку почувствовать вкус к жизни на природе, как любой дом покажется тюрьмой.

Я выхожу из кабинета, все еще сжимая в руке пожелтевшую бумагу. В темноте я поднимаюсь мимо розового смазанного пятна комнаты сестры и мешкаю на пороге своей детской спальни. Включив свет, я вижу, что ничего не изменилось. Односпальная кровать застелена синим одеялом. Стены по-прежнему завешаны постерами «Green Day» и «U2».

Пройдя дальше по коридору, я попадаю в спальню родителей. Видимо, теперь только отцовскую. Покрывало с обручальными кольцами из моих воспоминаний исчезло, но кровать заправлена без единой складки, и край зеленого охотничьего одеяла отогнут с военной аккуратностью. На ночном столике стоит стакан воды и будильник. Телефон.

Это не тот дом, что живет в моих воспоминаниях. Это не мой дом. Но дело в том, что Таиланд тоже не мой дом.

Последние пару дней я непрерывно думаю о том, что будет дальше – не только с отцом, но и со мной. У меня есть жизнь за границей, но ею вряд ли можно похвастаться. Работа без каких-либо перспектив и несколько друзей, как и я, бегущих от чего-то или кого-то. Хотя я приехал сюда против воли с намерением по-быстрому исправить проблемы и вернуться в свое убежище на другом конце мира, все изменилось. Я не в состоянии ничего исправить – ни отца, ни себя, ни свою семью. Все, что остается, – это попытаться залатать дыры и изо всех сил надеяться, что лодка выдержит течь.

Намного проще было убеждать себя, что мое место в Таиланде, где я мог упиваться старыми обидами и с каждым бокалом в бангкокском баре проигрывать события, которые привели к отъезду. Но это было до того, как я увидел недоверие в глазах сестры и стены дома, где не нашлось места даже для крошечной моей фотографии. Сейчас я уже не чувствую себя безвинно пострадавшим изгнанником. Я просто чувствую себя виноватым.

Однажды я принял радикальное, сиюминутное решение навсегда оставить позади знакомую жизнь. Сейчас я снова принимаю такое же решение.

Я достаю телефон и звоню милой вдове, у которой в Чиангмае снимаю квартиру. Каждую неделю она зовет меня в гости на обед и пересказывает одни и те же истории о своем муже и их первой встрече. На запинающемся тайском я рассказываю об отце, прошу запаковать мои вещи и отправить по этому адресу. Затем я звоню своему боссу в языковой школе и оставляю на голосовой почте сообщение, где извиняюсь за то, что уехал посреди семестра, и объясняю, что у меня чрезвычайная семейная ситуация.

Снимаю ботинки и ложусь на кровать. Я складываю лист бумаги пополам, затем еще раз пополам и засовываю в карман рубашки.

Пусть это было давно, но однажды отец доверился мне и рассказал, чего бы хотел в ситуации, в которой сейчас оказался. Пусть это было давно, но однажды я обещал, что исполню его просьбу.

Возможно, я уже никогда не смогу рассказать ему, чем занимался после своего ухода, или заставить понять мою точку зрения. Возможно, мне уже не представится шанс извиниться самому или выслушать извинения. Вероятно, он так и не узнает, что я приехал, чтобы сидеть с ним в больничной палате.

Но я его не оставляю.

В Таиланде я всегда засыпал с трудом. Я списывал это на шум, на жару, на гул большого города. Но сейчас я засыпаю за считанные секунды. Во сне я бегу и ощущаю сосновые иглы под босыми ногами, а потом мне снится зима, проникающая под кожу.

Люк

Когда я отправился в леса к северу от реки Святого Лаврентия, на мне был утепленный непромокаемый комбинезон, утепленные ботинки и теплое белье. В карманах лежали сменные носки, шапка и перчатки, моток проволоки, немного бечевки, злаковые батончики и вяленое мясо. Последние деньги – восемнадцать долларов – я отдал дальнобойщику, который перевез меня через границу. Водительское удостоверение я положил в застегивающийся на молнию карман комбинезона. Если все пойдет не по плану, они могут стать единственной ниточкой к опознанию моих останков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.